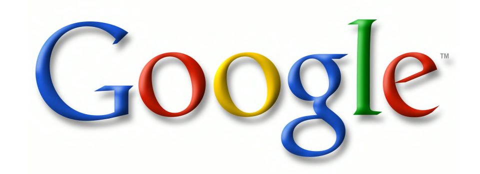

G
490
M3

96

Mr Golder's collection.

Александра Платоновича
ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ
ПЕРЕЛЕШИНА

ФРЕГАТЪ «ДІАНА».

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

бывшаго

въ 1854 и 1855 годахъ въ Японіи

протоіерея

Василія Махова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Товарищества «Общественная польза».

1867.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 іюня 1867 г.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», по Мойкѣ, № 5.

ПРОТОІЕРЕЙ
ВАСИЛІЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧЪ
МАХОВЪ.

31-го ч. марта, 1864 г., послѣ кратковременной, но жестокой болѣзни, скончался на 69 году, въ селѣ Радубежѣ, Курской губерніи, Фатежскаго уѣзда, протоіерей Василій Емельяновичъ Маховъ.

Сынъ бѣднѣйшаго пономаря той же губерніи, Обоянскаго уѣзда села Бобрышова, онъ, при крайне скудныхъ средствахъ отца, но при собственномъ прилежаніи и усердіи,— съ помощію добрыхъ людей,—окончилъ въ 1815 г. философскій курсъ наукъ въ мѣстной духовной семинаріи, и въ томъ же году былъ поставленъ въ діакона—въ село Бобрышово, а въ 1823 г.—во священника въ село Сковороднево (Дмитріосвапскаго уѣзда). При кроткой и воздержной жизни, проходилъ онъ свое служеніе слишкомъ 50 лѣтъ и всегда отличался неподдѣльнымъ духомъ благочестія. Постигавшія его нерѣдко служебныя и домашнія непріятности переносилъ онъ съ терпѣніемъ, повторяя всегда одно: «боящемуся Господа, благо будетъ напослѣдокъ!» Большая семья его содержалась не столько изъ доходовъ приходскихъ, сколько трудолюбіемъ собственнымъ: онъ былъ вообще прекрасный хозяинъ, но особенно—знающій свое дѣло пчеловодъ! По сдачѣ мѣста своего въ Сковородневѣ одному зятю, самъ перемѣщенъ былъ онъ сперва въ село Кутокъ, а потомъ—въ село Радубежъ. Здѣсь, въ 1849 г., лишился истинно добрѣйшей супруги своей и чадолюбивой матери дѣтямъ. Уступивъ и въ Радубежѣ мѣсто свое зятю, мужу другой дочери, остался онъ за штатомъ. Терпя отчасти нужду и убѣждаемый преосвященнымъ курскимъ, Иліодоромъ—поступить

въ монашество, онъ рѣшился было наконецъ исполнить это желаніе владыки. Но въ это время (1852 г.) дозволено было ему съѣздить въ Петербургъ, для свиданія съ сыномъ, служившимъ въ одномъ изъ департаментовъ м. внутр. д. Съ прибытіемъ его въ Петербургъ, Богу угодно было щедро и въ короткое время вознаградить его за прежнюю неутомимую дѣятельность, и оправдать на дѣлѣ часто повторяемыя имъ слова: «боящемуся Господа, благо будетъ напослѣдокъ!»

Прежде всего причисленъ онъ былъ къ братіи Александро-невской лавры, и вскорѣ намѣстникомъ ея откомандированъ въ домовую церковь оберъ-священника арміи и флота, для временнаго священнослуженія и исправленія требъ.

Въ 1853 г. снаряжался въ кругосвѣтное плаваніе фрегатъ «Діана». Въ походную церковь на немъ требова[illegible]
чальствомъ отъ духовнаго—священникъ. Оберъ-св[illegible]
и флота, по докладѣ свят. прав. сѵноду, назначилъ на [illegible]
гатъ—о. Василія Махова. Отправившись на предстоящ[illegible]
4-го октября того же 1853 г. изъ Кронштадта, онъ проплыл[illegible] фрегатѣ: Балтійское и Нѣмецкое моря, Атлантическій и Тихій океаны, обогнулъ мысъ Горнъ. На пути былъ: въ Даніи, Англіи, на Канарскихъ и Сандвичевыхъ островахъ; въ Америкѣ (Ріо-Жанейро и Валпарайсо), у Алеутскихъ и Курильскихъ острововъ *. Въ портѣ Аянъ, гдѣ преимущественно кочуютъ гиляки - идолопоклонники, онъ въ 1854 году обратилъ 17 человѣкъ въ христіанскую вѣру. Когда послѣ сего на фрегатъ «Діану» въ Татарскомъ проливѣ пересѣлъ уполномоченный отъ россійскаго Императорскаго двора, для переговоровъ съ японскимъ правительствомъ о торговыхъ дѣлахъ, графъ Путятинъ,—покойный о. Маховъ отправился при немъ чрезъ Японское и Китайское моря въ Японское государство и, находясь въ разныхъ портахъ Японіи, вытерпѣлъ у порта Симода страшное, отъ землетрясенія, кораблекрушеніе. Послѣ полугодичной жизни между японцами, возвращаясь тѣми

* Нѣсколько писемъ его съ дороги морской къ сыну въ Петербургъ показываютъ, что онъ былъ не холоднымъ путешественникомъ, но любознательнымъ описателемъ видѣнныхъ имъ мѣстностей. *Ив. М — въ.*

же морями къ восточнымъ берегамъ Сибири, онъ 20 іюля 1855 г. взятъ былъ англо-французами въ плѣнъ, но чрезъ три дня высаженъ на пустой берегъ при портѣ Аянъ. Отсюда путешествуя чрезъ всю Сибирь съ большимъ задрудненіемъ, безъ средствъ, 6-го декабря прибылъ онъ въ Петербургъ, гдѣ въ награжденіе за окрещеніе гиляковъ—получилъ скуфью; за примѣрно-усердное исполненіе священническихъ обязанностей во время кругосвѣтнаго плаванія—наперсный крестъ; за поднесеніе лично великому князю Константину Николаевичу пріобрѣтенныхъ въ Японскомъ государствѣ монетъ и вещей, пожалованъ 4 февраля 1856 г. отъ его императорскаго высочества съ изъявленіемъ особой признательности, золотымъ съ брилліантами перстнемъ; по Высочайшему Государя Императора, 28 апрѣля того же года, повелѣнію [illegible] триста рублей сер. 5-го іюля, по [illegible] священника арміи и флота, опредѣленъ въ [illegible] дивизію 6-го армейскаго корпуса, съ званіемъ [illegible] надъ духовенствомъ въ той дивизіи; гдѣ, въ память [illegible] войны, получилъ бронзовую медаль на андреевской и [illegible] же наперсный крестъ на владимірской лентѣ. За расформированіемъ же, по случаю окончанія войны, означеннаго корпуса, остался за штатомъ и поступилъ на жительство въ курскую епархію, въ которой, по указу святѣйшаго сѵнода, «за долговременную, отлично-усердную и полезную службу», возведенъ 15-го апрѣля 1857 г. въ санъ протоіерея и награжденъ набедренникомъ.

Казалось бы, что тутъ должно было и окончиться поприще дѣятельности протоіерея Махова, но Промыслъ Божій невидимо готовилъ ему новые подвиги! Въ мартѣ мѣсяцѣ 1858 г. онъ снова вызванъ былъ свят. Сѵнодомъ въ Петербургъ и, по Высочайшему Государя Императора повелѣнію, назначенъ 24 марта быть настоятелемъ церкви россійскаго консульства въ Хакотаде (на островѣ Эзо, въ Японіи), съ жалованьемъ по 2,500 р. сер. въ годъ. —19-го іюля того же года, «по вниманію, какъ къ прежней отлично-усердной и полезной службѣ, такъ и къ трудамъ, предстоящимъ на новомъ поприщѣ», Всемилостивѣйше награжденъ камилавкою, а изъ кабинета Его Величества получилъ установленный

для миссіонеровъ за границею золотой наперсный крестъ. Изъ Петербурга отправился онъ 2-го сентября 1858 г. и прибылъ въ Японію 13 іюня 1859 г.

Съ одной стороны, труды по службѣ, съ другой,—частые, подъ разными климатическими условіями, далекіе съ мѣста на мѣсто переѣзды, имѣли рѣзкое вліяніе на шестидесятилѣтнюю жизнь покойнаго. Онъ, правда, вполнѣ утѣшался Божіею къ нему милостію, посылавшею ему столько благъ; но здоровье его болѣе и болѣе упадало. Скорбь о дѣтяхъ (хотя уже взрослыхъ и пристроенныхъ), возмущала его душу, тревожила старческій его покой. Онъ началъ ослабѣвать въ природной крѣпости силъ и болѣть серіозно, подвергаясь удушливому съ сильными мокротами кашлю. Въ Хакотаде, гдѣ климатъ особенно разрушительно дѣйствовалъ на здоровье покойнаго, онъ, благодаря Бога за низпосланную къ нему при концѣ жизни милость, — заявлялъ одно желаніе: «хоть бы добраться до России; хоть бы умереть въ Радубежѣ!» — Богъ услышалъ его молитву, исполнилъ и это желаніе. По болѣзни разрѣшено ему выѣхать изъ Японіи и явиться въ Петербургъ. Въ іюлѣ 1860 г. онъ выѣхалъ, и 19 декабря прибылъ въ Петербургъ, гдѣ по распоряженію св. сѵнода уволенъ на покой — въ курскую епархію. Милость и щедроты Дома Царева еще разъ взыскали отживающаго дни свои, нынѣ покойнаго, протоіерея. Государыня Императрица, за поднесеніе имъ лично въ 1861 г. ея высочеству, великой княжнѣ Маріи Александровнѣ привезенныхъ изъ Японіи вещей, Всемилостивѣйше соизволила пожаловать ему золотые часы съ цѣпочкою во 125 р. с. 21-го января 1863 г. Высочайше повелѣно производить ему изъ главнаго казначейства пенсію по 400 р. въ годъ. Служа Богу словомъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятелемъ и въ общественной жизни. Съ наступленіемъ 1864 года, покойный началъ чувствовать себя особенно ослабѣвающимъ, и потому сталъ положительно собираться въ загробную жизнь. На другой день Благовѣщенія отправился онъ изъ Радубежа за 30 верстъ въ село Саковнинку, гдѣ, исполняя временно священническую обязанность, слѣдилъ вмѣстѣ съ тѣмъ за постройкою новаго храма. Тамъ, 27 марта, поразилъ его апоплексическій

ударъ съ отнятіемъ языка, правой руки и правой ноги. Привезенный въ такомъ положеніи въ Радубежъ, четыре дня страдалъ онъ убійственнымъ кашлемъ съ мокротою, а 31-го ч., съ закатомъ солнца, скончался. Погребенъ 2-го ч. апрѣля 1864 г. при церкви с. Радубежа.

Миръ праху твоему, добрый человѣкъ, дѣятельный пастырь, чадолюбивый родитель, взысканный милостію и щедротами царскими—кругосвѣтный путешественникъ! Да водворится душа твоя во благихъ небесныхъ такъ, какъ ты за жизнь свою, по боязни ко Господу, утѣшенъ былъ напослѣдокъ благами земными!

Ив. М — въ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Фрегатъ «Діана»....... Кто изъ многихъ русскихъ не слѣдилъ за его предпріимчивымъ въ отдаленныхъ моряхъ плаваніемъ; кому не извѣстно постигшее его у береговъ Японскаго Государства злополучіе, гибель и, наконецъ, самое крушеніе; кто не читалъ объ этомъ ужасномъ происшествіи безъ душевнаго сожалѣнія, сердечнаго участія, искренняго сочувствія и, быть можетъ, безъ слезъ?.. Но прочесть статью о гибели фрегата «Діана»—не равнодушно; раздѣлить горе, случившееся съ роднымъ, близкимъ знакомымъ заочно, пожалѣть о бѣдствующихъ и злополучныхъ мореплавателяхъ—за глаза, чувство одобрительное, искренность впрочемъ на нѣсколько минутъ, память на время!... Каково же было лицу, дѣйствительно страдательному, тому мореходу, который, совершивъ путь свой почти благополучно, застигнутъ былъ горемъ въ окончаніи плаванія неожиданно и въ самыхъ ужасныхъ размѣрахъ?... Человѣкъ то не перенесетъ, что Богъ не пошлетъ! На старости лѣтъ Господь судилъ мнѣ совершить кругосвѣтное путешествіе, видѣть многое, вытерпѣть горькое, сохранилъ мнѣ память о быломъ, почемужъ мнѣ и не разсказать объ этомъ вамъ, мой благосклонный читатель? Прочтите и со старика не взыщите.

ГЛАВА I-я.

Отбытіе фрегата изъ Кронштадта. Мысли при разлукѣ съ родиною. Морская болѣзнь. Копенгагенъ. Путь далѣе. Проливъ Ламаншъ. Атлантическій океанъ. С. Себастіанъ и его негостепріимство. Переходъ чрезъ экваторъ 6-го декабря.

Состоя въ числѣ братства Свято-Троицкія Александро-Невскія Лавры, я, по распоряженію начальства, назначенъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1853 года на изготовлявшійся тогда на три года въ кругосвѣтное плаваніе фрегатъ «Діана». Прибывъ 24-го числа сентября въ Кронштадтъ, 26-го фрегатъ вышелъ на рейдъ; 1-го числа октября—въ день Покрова Божіей Матери,—торжественно совершено было мною, по церковному чиноположенію, освященіе устроеннаго на фрегатѣ храма во имя святителя христова Николая. Когда же фрегатъ окончательно былъ изготовленъ къ отплытію, 4-го октября въ 10 часу утра, начали прибывать на фрегатъ высшіе сановники морскаго министерства, родные и знакомые готовившихся въ дальній путь; за тѣмъ изволилъ прибыть на пароходѣ и Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Обойдя построенную команду, осмотря заботливо всѣ отдѣленія фрегата, Его Высочество приказалъ начать напутственное молебствіе.— Усердно и прямо отъ чистаго сердца возносили въ это время молитву къ небесному путеводителю и отходящіе въ путь и сопровождающіе ихъ въ таковый, «да спутешествовавый нѣкогда двумъ апостоламъ въ Еммаусъ, Спаситель, сшествуетъ и нынѣ путешествовати хотящимъ; пославый иногда Товіи спутника въ образѣ ангела, и нынѣ пошлетъ путникамъ невидимаго хранителя, отъ всякаго злаго обстоянія и во всякомъ благополучіи соблю-

дающа». Искренняя молитва эта закончилась окропленіемъ святою водою всего фрегата и русскаго флага. Его Высочество, ласково простясь съ командиромъ фрегата и всѣми путниками, и напомнивъ имъ о важности предстоящаго пути, ревностномъ исполненіи своего долга и сохраненіи чести флага, изволилъ отбыть съ фрегата. Началась заздравная съ крѣпости и прощальная съ фрегата пушечная пальба, послѣ которой Великій Князь еще разъ напутствовалъ отходящихъ моряковъ желаніемъ благополучія; за громкимъ «счастливо оставаться!» раздался свистокъ и мы, по командѣ, снялись съ якоря. Быстро и смѣло пошелъ нашъ фрегатъ по водамъ Финскаго залива, миновалъ его въ одни сутки и вступилъ, наконецъ, въ Балтійское море. Скоро мы оставили за собою Ревель и Ригу, переѣхали и ту черту, которая указываетъ конецъ Земли русской и начало земель иностранныхъ. И здѣсь-то на рубежѣ роднаго съ чужимъ, на границѣ русскаго съ иностраннымъ, тяжелый вздохъ вырвался изъ груди моей. Вздохъ этотъ понятенъ, близокъ, знакомъ тому, кто хотя однажды въ жизни своей оставляя, и быть можетъ безвозвратно, любезное отечество, покидая близкихъ-родныхъ, друзей и знаемыхъ, пускался въ обширное пространство морей, несся за предѣлы далекаго, неизвѣстнаго..... Мрачная дума покрыла чело мое: Богъ знаетъ, суждено ли намъ, далекимъ путникамъ, совершить трудный и продолжительный путь свой въ благополучіи; суждено ли узрѣть чрезъ три года снова благословенное свое отечество, прижать къ груди родныхъ, привѣтствовать друзей, обмѣняться ласковымъ поклономъ съ ближними, услышать сердечное «здравствуй», вмѣсто нынѣшняго печальнаго «прости!»... Сердце мое сжалось, голова отяжелѣла, горячія слезы хлынули изъ глазъ моихъ.... «Прости, еще разъ прости родное, дорогое наше отечество! Да будетъ всегдашнее благословеніе Божіе надъ тобою, Богомъ возвеличенная и Богомъ хранимая Россія, да почіетъ въ нѣдрахъ твоихъ духъ страха Божія, духъ правды и истины, духъ міра и спокойствія, союзъ братской любви и безпредѣльная преданность къ Помазаннику Божію—Царю своему. Съ этими условіями была ты какъ прежде,

будешь нынѣ и всегда славна, могуча, страшна врагамъ своимъ!».... Таково было душевное настроеніе, такова была дума каждаго изъ насъ, когда оставляя за собою предѣлы Россіи, неслись мы подъ парусами далѣе по Балтійскому морю, около острововъ Готланда и Борнгольма. Отъ тоски ли по родинѣ, отъ разстройства ли душевнаго, или по неотъемлемому праву мореплаванія, качки и потрясеній носимаго по волнамъ судна, появилась на фрегатѣ нашемъ болѣзнь, обыкновенно моряками называемая «морскою». Кто изъ насъ болѣе или менѣе не перенесъ этой болѣзни, болѣзни сильной въ началѣ, мучительной въ послѣдствіи, изнурительной въ окончаніи. Не только пустившійся въ первый разъ путешествовать по морю, но даже иные и изъ старыхъ моряковъ подверглись этой болѣзни. Прямой признакъ и начало болѣзни, какъ я испыталъ собственно на себѣ, сильное головокруженіе, за тѣмъ слѣдовала мучительная во всемъ тѣлѣ боль, которая, изнуривъ силы мои тѣлесныя, повергла въ неизъяснимую тоску о чемъ-то безотчетномъ, все для меня стало несноснымъ, ко всему я былъ равнодушенъ, ни какія лекарства не оказывали своей помощи, не подавали облегченія, одна лишь привычка къ морской качкѣ и крѣпкая натура, способствовали въ возстановленіи по времени тѣлесныхъ силъ. 13-го числа мы прибыли на копенгагенскій рейдъ, по 20-е ч. находились въ пристани, заготовляя въ это время нужные, для себя, на предстоящій путь съѣстные припасы и другія принадлежности. Каждый разъ, какъ только я съѣзжалъ на берегъ и проходилъ городомъ, неотвязчивые и чуть не на всякомъ шагу мальчишки до такой степени досаждали мнѣ попросами подаянія, что и по возвращеніи на фрегатъ долго чудился мнѣ пискливый голосъ этихъ попрошаекъ: «руска, дай копѣйка!» Въ прогулку мою по улицамъ города, жители съ удивленіемъ и смѣхомъ посматривали на мое, свойственное духовному лицу, одѣяніе: оно не казалось имъ, какъ думаю, богатымъ, но занимало чисто-формою своею и покроемъ. Это мнѣніе хотя и подтверждалось совѣтомъ перемѣнить платье, ходить въ принятомъ за границею духовными лицами свѣтскомъ одѣяніи, стричь волосы и брить бороду, но

послѣдовать этому обыкновенію я не призналъ за нужное. Что за краса, на примѣръ, видѣть нашего русскаго іерея съ остриженными волосами, бритою бородою, въ пальто на плечахъ, въ чулкахъ и башмакахъ на ногахъ? Я удивился и не хотѣлъ признать за своего собрата, за русскаго священника, находящагося іерея при одномъ нашемъ заграничномъ посольствѣ. Странно казалось мнѣ такое обыкновеніе; я полагаю, что свойственная лицу русскаго священника одежда и при ней какіе либо знаки Монаршей милости и духовныхъ отличій, должны поставлять православное духовенство, преимущественно внѣ Россіи, въ виду уваженія и почитанія иноземцевъ. Во всѣхъ портахъ заграничныхъ, даже въ Японіи, я не измѣнялъ моего одѣянія; ряса постоянно была на моихъ раменахъ. 20 числа, при благопріятной погодѣ, снялись мы съ якоря и плыли проливами въ Нѣмецкое море, 21 и 22 числъ проходили угрюмый Каттегатъ и грозный для мореплавателей мысъ Скагенъ, миновали благополучно и то роковое мѣсто, гдѣ по неисповѣдимой волѣ Провидѣнія постигла злая доля нашихъ собратій, моряковъ, плывшихъ не задолго предъ нами на военномъ транспортѣ «Нѣманъ». Съ 23 по 30 ч. проходили Нѣмецкое море и проливъ Ламаншъ; здѣсь прибывшій къ намъ на баркасѣ съ береговъ Англіи лоцманъ, довольно далеко провожалъ нашъ фрегатъ проливомъ. Этимъ временемъ мы успѣли написать письма и, поручивъ ихъ лоцману, просили переслать ихъ въ Россію. Кромѣ густаго лѣса мачтъ вдали, кромѣ безпрестаннаго движенія по проливу со всѣхъ сторонъ многочисленныхъ англійскихъ судовъ и большаго и малаго размѣра, мы ничего не видали, поспѣшая сколь возможно миновать прибрежья Англіи и поскорѣе вступить въ Атлантическій океанъ. 31-го числа вступили мы въ океанъ. Вотъ гдѣ настало истинное раздолье для фрегата, тутъ-то закипѣла работа у моряка, небо мрачно, воду буравятъ волны, сверху дождь, снизу прибой валовъ, а фрегатъ, переваливаясь съ боку на бокъ, несется на всѣхъ парусахъ къ опредѣленному мѣсту. Утренній чай, обѣдъ и ужинъ, приправляемые общею дружескою бесѣдою и заморскими винами, шли своимъ чередомъ и съ такимъ

аппетитомъ, котораго, по трехдневномъ постѣ, на сушѣ не бываетъ. Право чудная и пріятная жизнь на морѣ; всѣ свои, нѣтъ ни кого чужихъ, у всѣхъ общее непрерывное и неизмѣнное желаніе мира, тишины и спокойствія; занятія по службѣ смѣнялись дружескими разговорами за общимъ столомъ; своя семья, своя радушная бесѣда. 8-го ноября шли мы въ виду острова Мадеры, 13-го показались издали Тенерифъ и извѣстный исполинъ природы, Тенерифскій пикъ. Озаряемый лучами солнца, пикъ представляетъ съ открытаго моря превосходно изумительную картину. Видъ его совершенно походитъ на сахарную голову, вышина этой знаменитой горы болѣе 3-хъ верстъ, нагорная возвышенность покрыта вся снѣгомъ, а въ подножіи ея очаровательная долина, прозябающая зеленью. 14-го ч. пристали мы къ острову Гомеро и войдя въ портъ главнаго города с. Себастіанъ, бросили якорь. Находясь около мѣсяца на пути неба и воды, укаченные, увлаженные, мы разсчитывали отдохнуть на сушѣ и тѣломъ, и духомъ и, о горе намъ, обманулись въ своей надеждѣ. Сбѣжавшіеся сотнями на берегъ жители, съѣзжать намъ на сушу не дозволили и разрѣшенія на это отъ мѣстнаго ихъ начальства не послѣдовало подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы у насъ на Руси холера, что нѣкоторые изъ насъ быть можетъ заражены этою болѣзнію, а болѣзнь эта перейдетъ отъ насъ и къ нимъ. Сколько ни бились, сколько ни увѣряли ихъ, что мы не холерные, а совершенно здоровые, что намъ нужно только обсушиться, — осталось безуспѣшно. Одно лишь было къ намъ со стороны жителей снисхожденіе, пристать на шлюпкахъ къ берегу для переговоровъ съ ними о нужной намъ провизіи. Провизію эту они хотя и доставляли къ берегу, а воду привозили лично на фрегатъ, но за нее спрашивали непомѣрную плату, довольно сказать, что съ ведра прѣсной воды брали по 12 коп. сер.; слѣдуемыя деньги поставщики брали отъ насъ изъ опасенія заразы не иначе, какъ чрезъ омовеніе ихъ въ уксусѣ и обтираніе на-чисто полотенцами. Любопытно было смотрѣть на двѣ партіи: — отдающую деньги и принимающую ихъ. Около самаго берега поставлена была чаша съ уксусомъ, въ которую ревизоръ

нашъ опускалъ золото, золото это вынималось потомъ мѣстными счетчиками, отиралось полотенцами и передавалось старшимъ, недоставало лишь какого нибудь окуриванія! Смотря на эту картину невольно пришло мнѣ на память то время, когда въ 1830 г., въ первый разъ появленія у насъ на Руси холеры,—я выдержалъ въ одномъ изъ карантиновъ четырехдневное окуриваніе меня, нехворощею и другими удушливыми травами, Нищіе себастіанскіе не были разборчивы на холеру, они хватали наше подаяніе изъ рукъ въ руки: «даренному, дескать, въ зубы не глядятъ», всякое даяніе во благо и всякъ даръ совершенъ! —Впрочемъ и этимъ бѣднякамъ, палочными побоями и толчками, воспрещалось брать отъ насъ подаяніе. Жадность и корыстолюбіе, какъ видно, владѣютъ этимъ народомъ бѣднымъ, полунагимъ, малорослымъ и худощавымъ. За тѣмъ матушкѣ сушѣ нижайшій поклонъ, да и былъ таковъ! 18-го ноября мы оставили негостепріимный портъ Св. Себастіана. 24-го прошли мимо Зеленаго мыса. 1-го ч. декабря перешли за экваторъ. Торжественное русское «ура» огласило пустынныя воды чуждаго намъ океана. 2 чис. благодарственно молились мы о благополучномъ переходѣ нашемъ изъ одного полушарія въ другое. Не миновалось и безъ стародавняго у моряковъ обряда—отпраздновать переходъ свой чрезъ экваторъ. Миѳологическій обрядъ этотъ изстари ведется у моряковъ и преимущественно у тѣхъ, которые въ первый только разъ переходятъ изъ Сѣвернаго полушарія въ Южное. Разказывать объ этомъ не новомъ уже обрядѣ, сопровождаемомъ всегда разными затѣями, шутками и прибаутками, значило бы повторять то, о чемъ нѣсколько разъ такъ много написано, такъ подробно разсказано. А вотъ наступилъ нашъ истинно благолѣпный и торжественный праздникъ: 6-е декабря, праздникъ и храмовой, и соименный нашему всероссійскому Императору. Съ вечера всенощная, по утру литургія съ молебствіемъ, далѣе отличный завтракъ и сытный съ заздравнымъ виномъ обѣдъ и душевно и тѣлесно развеселили праздновавшихъ.

ГЛАВА II-я.

Ріо-Жанейро.

11-го декабря 1853 года начали мы сближаться съ берегами Америки и, первая приблизительная къ матерой землѣ точка— была мысъ Фріо, за тѣмъ показалась гора, прозванная по виду своему, «Сахарною головою», наконецъ 13 ч. представился намъ великолѣпный портъ Ріо-Жанейрскій съ очаровательными долинами и церквами и монастырями на холмахъ. Куда бы ни были обращены взоры, все приводитъ въ восторгъ, изумленіе: безоблачное небо лучезарно сіяетъ на горизонтѣ; ароматическій воздухъ разлитъ по всему пространству не какъ самою природою, а щедрою кадильною рукою придуманныхъ благоуханій. Природа до того не поскупилась обставить Ріо-Жайнеро самыми очаровательными, живыми картинами, что могущественная рука человѣка, ни убавить что либо изъ этихъ творческихъ картинъ, безъ прямыхъ уродливостей ихъ, ни прибавить чего либо лучшаго къ прекрасно уже само по себѣ совершенному,—не въ состояніи. Видя въ первый разъ такую великолѣпную мѣстность, кто не воскликнулъ бы съ созерцателемъ красотъ Божіихъ «яко возвеличишася дѣла твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси и въ твореніи семъ зѣло углубишася помышленія твоя (пс. 91 ст. 6, 103 ст. 24 снес. премудр. глав. 13 ст. 5)! 14-го числа, по обыкновенномъ салютѣ, мы съѣхали на берегъ, который весь былъ покрытъ множествомъ народа. Представьте себѣ нашу радость, наше душевное удовольствіе, послѣ двухъ мѣсячнаго пребыванія на водѣ, выйти на сушу, ходить на просторѣ и, къ довершенію, наслаждаться живописною природою? Пусть меня по нарѣчію не понимали жители, пусть я казался имъ по платью, страннымъ и удивительнымъ, но не обращая на это вниманія и на толпы народа, за мною слѣдовавшія, я вездѣ ходилъ свободно, все высмотрѣлъ безпрепятственно. Городъ Жанейро обширно расположенъ на самомъ привлекательномъ мѣстоположеніи, большая часть окружена водою залива, остальная обложена цвѣтущими холмами и высокими горами. По мѣстности нашей декабрь всегда сопут-

ствуется глубокими снѣгами, трескучими морозами, вьюгами и ураганами, о зелени же въ поляхъ и садахъ помину нѣтъ; а здѣсь тотъ же декабрь, но въ видѣ самомъ роскошномъ майскомъ. Начиная отъ приземистой травки-муравки до необыкновенныхъ вышиною и необъятныхъ толщиною: сосны, кедра, кокоса, клеща, банана и другихъ—все зеленѣетъ, свойственно цвѣтетъ и упоительно благоухаетъ. Смотришь на все не наглядишься, вдыхаешь воздухъ не надышешься. Городъ дѣлится длиннымъ, широкимъ проспектомъ на двѣ части, постройка домовъ по ту и другую сторону, изящна; императорскихъ дворцовъ два: одинъ загородный, въ которомъ имѣетъ свое пребываніе императоръ бразильскій, далѣе арсеналъ, монетный дворъ, таможня и биржа; другой дворецъ внутри самаго города, около торговой площади; но дворцы эти по наружности далеко не ровня великолѣпнымъ чертогамъ русскимъ: Зимнему, Константиновскому — въ Петербургѣ и Николаевскому—въ Москвѣ. Церквей множество, изъ коихъ особенно замѣчательны: храмъ Богоматери—«благоспѣшенія странствующихъ», на отличномъ, красивомъ мѣстоположеніи; соборная—Богоматери преславныя, свѣщницы, св. Себастіана придворная и св. Креста приходская. На главѣ вмѣсто креста у иныхъ изображеніе мѣсяца, а у другихъ пѣтуха; во всѣхъ церквахъ я бывалъ и внѣ службы и во время таковой; не могу скрыть моего удивленія, когда въ одной церкви увидѣлъ я въ самое совершеніе службы, ходящую тутъ же собачку; для чего присутствіе ея здѣсь допускается, и конечно не случайно, я освѣдомиться не могъ. Монастырей также довольно, при нѣкоторыхъ изъ нихъ многолюдныя учебныя заведенія. Радушный патеръ-монахъ, строгій по видимому исполнитель монастырской жизни, съ радушіемъ показывалъ мнѣ богатство церковной ризницы, водилъ по садамъ, цвѣтникамъ и другимъ заведеніямъ: я не надѣялся, но на самомъ дѣлѣ нашелъ для себя большую ласку и доброе гостепріимство у всѣхъ подвижниковъ здѣшнихъ монастырей. Одинъ изъ монаховъ пригласилъ меня въ свою келью и чрезъ нѣсколько минутъ она была уже наполнена его братіею; подана прекрасная закуска, отличное вино и пошло радушное угощеніе; къ сожалѣнію, мы не могли иначе

разговоръ свой вести, какъ только знаками, понимаемыми впрочемъ съ обоихъ сторонъ; хотѣлось мнѣ видѣть общую ихъ трапезу, но данный однимъ, по видимому старшимъ изъ монаховъ, знакъ, показывалъ, что этого допустить почему-то нельзя. Каждый разъ, какъ я бывалъ въ монастыряхъ, страннолюбивые монахи, мало того, что ласково принимали и роскошно угощали у себя дома, они при проводахъ наперерывъ одинъ предъ другимъ дарили меня на память о себѣ, кто какою либо вещь, кто сорванными тотчасъ съ дерева кокосами и лимонами, иной персиками и ананасами, другой фигами и мангабами: одна лишь рѣдкость сохранилась у меня—это четки, подаренныя мнѣ на память старшимъ монахомъ. Гулялъ я нѣсколько разъ въ садахъ, дивное и рѣдкое собраніе до сего невиданныхъ произрастеній изумляло меня до крайности; аллеи испещрены душистыми цвѣтами, дорожки усыпаны золотистымъ пескомъ, прохладительныя бесѣдки раскрашены картинно, на деревахъ созрѣваютъ плоды, перелетныя пташки поютъ, усладительно все, отъ зрѣнія до слуха, восхищало меня нерѣдко до того, что я съ большимъ сожалѣніемъ оставлялъ прекрасную мѣстность. Удивительно, какъ плодовиты въ этой странѣ деревья! 20 числа декабря я похоронилъ на ріо-жанейрскомъ кладбищѣ нашего матроса Захарова; по совершеніи мною обряда, подошелъ ко мнѣ пасторъ, познакомились и пошли гулять между цвѣтныхъ памятниковъ (могила каждаго покойнаго усажена здѣсь превосходными цвѣтами:) проходя садомъ, пасторъ отломилъ небольшую вѣтвь прекрасно растущаго дерева—банана, на которой я насчиталъ около сотни плодовъ; дерево бананъ растетъ красиво и столь плодоносно, что для каждой вѣтви его непремѣнно нужна прочная подставка. Городъ весьма многолюдный, коренные жители его бразильцы, прибылые индѣйцы, негры, португальцы, французы и англичане, роскошь въ домоводствѣ и щегольство въ одеждѣ, ручается, какъ видно, за ихъ достаточность. Народъ болѣе торговый и торговлю свою обширно ведетъ: сахаромъ, табакомъ, кофе, перцемъ, лимонами, персиками, кокосами, строевымъ лѣсомъ, красильными деревьями, кожами и многими другими предметами. Главная торговая площадь, болѣе

прочихъ рыночныхъ мѣстъ, наполнена народомъ, продажа и покупка всякаго рода товаровъ съ ранней зари до поздней ночи не останавливается, тамъ сбываютъ: красильное дерево и за него получаютъ матерію; въ другомъ мѣстѣ мѣняютъ сахарный песокъ табакъ, фрукты, на сало и пеньку, далѣе хлопчатую бумагу и пряности, вымѣниваютъ на вино, сталь и сукна, словомъ сказать: кто только чѣмъ богатъ, тѣмъ и обмѣняться съ другимъ радъ. Шагу впередъ не сдѣлаете безъ того, чтобы навязчивый торгашъ не предложилъ вамъ купить что либо изъ его товара, а купили, докучливый негръ, какъ тутъ съ своею услугою, на исправность и вѣрность въ доставкѣ вашей покупки къ мѣсту, ничтожное вознагражденіе за труды, вы смѣло полагайтесь на свободнаго негра, онъ голъ какъ соколъ, а въ дѣлѣ своемъ исправенъ. Черный полунагой сбродъ негровъ и негритянокъ безпрестанно изъ стороны въ сторону снуетъ по городу съ тяжелыми ношами на плечахъ. Дѣло другое — негры-невольники; они, запряженные подвое, вмѣсто лошадей, въ телѣгу, наполненную или землею, или камнемъ, даже какимъ либо другихъ товаромъ, не обращаютъ вниманія на самые жесточайшіе побои погонщика; телѣга запнулась по тяжести своей въ ложбинѣ, имъ отпустятъ самый полновѣсный ударъ палкою, поморщатся, принатужатся и телѣга съ грузомъ пошла въ ходъ; негры-невольники раскапываютъ рудники, расчищаютъ водопроводы, возятъ денно и нощно колымаги, словомъ, исполняютъ всѣ тѣ тяжелыя работы, которыя у насъ свойственны однимъ только лошадямъ и воламъ; я видѣлъ такія работы негровъ-невольниковъ и по человѣчеству сердечно сострадалъ о несчастной долѣ, обратившей ихъ въ скотовъ; казалось бы за что бѣдные страдаютъ такъ жестоко, вслѣдствіе чего обращены въ полуживотныхъ? Вслѣдствіе закоренѣлой лѣности своей, сказали мнѣ; онѣмѣлаго безчувствія, воровства, наклонности безсознательно дѣлать возможное зло другимъ; пока въ рукахъ владѣльца, негръ постоянно желаетъ независимости, а дай ему волю, онъ съ своею независимостію надѣлаетъ тысячу преступленій, при малѣйшемъ попущеніи свободы, убѣгая въ лѣса и горы, скитается тамъ среди многихъ опасностей и согласенъ лучше

терпѣть всякаго рода нужду, голодъ и бѣдствія, нежели работать на фермахъ зажиточныхъ людей, пить, есть готовое и, въ добавокъ, еще получать за трудъ свой поденную плату. Таковыхъ трутней тунеядцевъ много на бѣломъ свѣтѣ; ищутъ воли, «а воля», поговариваютъ на Руси «и добра коня портитъ,» «добре роби, добре и буде!» Лавки и магазины размѣщены по сортамъ товаровъ: линія товаровъ шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ, линія цвѣтная, линія стальныхъ и мѣдныхъ вещей и, наконецъ, линія птичная, послѣ многихъ другихъ. Не для покупки, но изъ одного лишь любознанія, я переходилъ изъ лавки въ лавку, изъ магазина въ магазинъ. При входѣ моемъ продавецъ тотчасъ предлагаетъ свой товаръ и, конечно, лепечетъ о цѣнѣ за него, мнѣ что за нужда: я не понимая словъ, укажу лишь на глаза свои, что я не для покупки вошелъ, а для посмотра и дѣло понято. Въ одномъ мелочномъ магазинѣ былъ со мною и такой случай: вхожу, продавецъ сначала обсмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, подивился моей рясѣ, промурчалъ что-то и за тѣмъ предлагаетъ мнѣ купить любую изъ его вещей, я указываю ему на глаза и, къ удивленію, десятки разныхъ очковъ и зрительныхъ трубокъ готовы къ моему выбору. Хотя дожилъ я до шестаго десятка лѣтъ и въ очкахъ надобности пока не имѣю, но въ удовольствіе продавца примѣрилъ одни, посмотрѣлъ въ другіе, не по глазамъ.... и выходя, оставилъ услужливаго продавца въ недоразумѣніи; было и то, что иные продавцы понимали мой приходъ и съ удовольствіемъ показывали все дивное, все заморское—имѣющееся у нихъ. Линія птичная—это полное собраніе всѣхъ породъ: звѣрей, птицъ и насѣкомыхъ. Большую часть времени пребыванія нашего въ Ріо-Жанейро мы, заѣзжіе, провождали въ линіи птичной; чего тутъ нѣтъ? и разнородные звѣри, и разноцвѣтныя птицы, страшныя животныя и прелестныя насѣкомыя, усладительно поющіе дрозды, безобразныя обезьяны и миловидныя колибри, каждому звѣрю, каждой птичкѣ свое отдѣленіе, своя клѣтка, далѣе комната рѣдкостей, еще комната чучелъ..... любуйся всѣмъ донельзя! Право, нерѣдко чрезъ свою увлекательность, я оставался безъ общаго обѣда. Но особеннымъ дивомъ въ Жанейро казался намъ тотъ прекрасный

и обширный магазинъ, въ которомъ находится безчисленное собраніе всякаго рода издѣлій изъ однихъ птичьихъ перьевъ. Я не съумѣю передать, какъ составляется изъ мельчайшихъ перышекъ цѣлое женское платье, не скажу и того, какъ набрана изъ перьевъ цѣлая шляпа, сдѣланъ какой либо другой весьма затѣйливый нарядъ и въ особенности головной уборъ; но подборъ пестрыхъ цвѣтовъ, наложенныхъ на перья природою, сочетаніе ихъ въ одномъ цѣломъ такъ привлекательно, такъ заманчиво и такъ миловидно, что на иной предметъ смотришь и еще—еще смотрѣть хочется..... При магазинѣ — фабрика, на которой работаютъ множество американокъ. Не разъ я бывалъ и въ загородной прогулкѣ: тутъ тѣнистыя рощи и пушистая зелень услаждаютъ васъ прохладою, тамъ вольныя изукрашенныя птицы порхаютъ, поютъ очаровательно, идете далѣе — цѣлое стадо разноперыхъ, крикливыхъ, попугаевъ; еще далѣе—съ дерева на дерево прыгаютъ обезьяны; далѣе.... нѣтъ, неходите далѣе! тамъ чрезъ любопытство свое встрѣтите, быть можетъ, вѣчное для костей своихъ успокоеніе, тамъ обиталище страшныхъ кровожадныхъ, пріютъ вредоносныхъ и ядовитыхъ насѣкомыхъ. На горахъ и въ долинахъ палящій зной нашему брату сѣверяку-невыносимъ, вы желаете охладиться, утолить свою жажду? вотъ предъ вашими глазами изъ утеса бьетъ ключевая, прозрачная вода, но воду эту, нельзя назвать кипяткомъ, нельзя сказать, чтобы она была и холодная, а такъ середина на половинѣ: полутеплая и полухолодная, утоляющая жажду, но не прохлаждающая васъ самихъ отъ сильнаго зноя. Купались мы нѣсколько разъ въ день, перемѣняли бѣлье по три и четыре раза,—вотъ таковъ климатъ бразильскій! Хлѣбъ, по особенному изобилію пшеницы, чистый, бѣлый и отлично вкусный. Сарачинскаго пшена, всякаго рода плодовъ, овощей и фруктъ черезъ верхъ полно, но мясо или вовсе отвратительное, безвкусное, гнилое и несносное къ употребленію, или полухорошее, но въ маломъ количествѣ и въ сравненіи съ нашими цѣнами непомѣрно дорого; вседневная пища жителей—рыба и рыба; свойство добродушія, ласковости и гостепріимства отличаетъ коренныхъ бразильцевъ отъ пришлецовъ изъ другихъ странъ свѣта, принимая къ себѣ

на домъ, добрые бразильцы не забывали посѣщать и насъ на фрегатѣ, честь за честь, угощеніе за ласку—были и нашимъ привѣтомъ, особенно былъ приливъ жителей къ фрегату наканунѣ нашего отбытія изъ порта: всѣ городскіе жители стеклись на берегъ, стояли и поздравляли насъ съ славною побѣдою, одержанною надъ турками при Синопѣ. По заготовленіи нами всего нужнаго на предстоящій путь, настала наконецъ пора оставить эту очаровательную страну, со всѣми ея прекрасными мѣстоположеніемъ, видами, климатомъ и гостепріимными жителями. 7 января 1854 г., по утру, фрегатъ нашъ, при задушевномъ проводѣ многимъ стекшихся на берегъ жителей, распростился съ Ріо-Жанейро и направилъ свое плаваніе вокругъ мыса Горнъ.

ГЛАВА III.

Мысъ Горнъ. Матросъ въ морѣ. Морскіе жители.

Первый день по отъѣздѣ нашемъ изъ Ріо-Жанейро, всѣмъ намъ какъ-то нездоровилось; болѣзнь эта не была, однакожъ, тѣлесная: сожалѣніе о скоропрошедшемъ удовольствіи и скука снова, на долго предстоящей однообразной морской жизни, томили, казалось, душу каждаго. Разговоръ ли общій начинался, скоро онъ же и кончался; но моряку ли есть время скучать, мореходу ли нѣтъ развлеченія? Засвѣжѣлъ вѣтеръ, налетѣла буря, поднялись гряда за грядою волны, мачты трещатъ, паруса чуть нелопаются, фрегатъ съ боку на бокъ бросаетъ словно щепку мелкую; вотъ моряку забава, вотъ его веселость, тутъ уже думу свою оставляй за морями, какъ бѣда стоитъ предъ глазами! Чѣмъ ближе подходили къ мысу Горнъ, чѣмъ болѣе ожидали постоянной погоды, тѣмъ чаще повторялись грозныя бури, дождь, снѣгъ, градъ съ верху, страшный прибой валовъ и толчея снизу, а 12-го ч. февраля мысъ Горнъ, какъ-бы въ заключеніе того, какими

бойкими онъ владѣетъ силами, угостилъ насъ на разставаньи съ нимъ штормомъ, да такимъ, что я до конца своей жизни едвали забуду; нечего сказать, мысъ Горнъ застращалъ гибелью; но Господь помиловалъ обуреваемыхъ и милосердо спасъ людей своихъ. Если кто, то вѣрно бывшій на мысѣ Горнъ сложилъ поговорку: «кто на морѣ небывалъ, тотъ до-сыта Богу не маливался». Кромѣ общаго ежедневнаго страха, со мною одна была бѣда, которая чуть головою не повершила; въ ночь бурливая погода усмирилась, утро оказалось прекрасное, небо чистое, солнце свѣтило ярко, вѣтеръ былъ для фрегата попутный, словомъ, все обѣщало тишину и спокойствіе; думаю себѣ, теперь и мнѣ можно выйти изъ своей каюты на верхнюю палубу; вздумано и сдѣлано. Осмотрѣлъ водяныя окрестности, полюбовался умѣреннымъ картиннымъ волненіемъ, прошелся разъ десятокъ по палубѣ и прислонясь къ пушкѣ, только что хотѣлъ поразговориться съ г. г. офицерами, какъ ни съ того ни съ другаго, мигомъ налетѣвшая буря, хватила валомъ въ фрегатъ, сильно качнула его, я съ ногъ долой и покатился къ другой сторонѣ, наконецъ опамятовался; собрался съ силами и уже ползкомъ пробрался въ свою [illegible] сопровождаемый шутками г. г. офицеровъ, что походка [illegible] ремѣнилась въ нечеловѣческую. Съ большимъ удивленіем[illegible] въ иное время со страхомъ и трепетомъ смотрѣлъ я на то мужество моряка, съ которымъ онъ на жизнь или смерть борется съ неукротимыми волнами, ту отчаянную его храбрость, которую онъ выказываетъ въ минуту предстоящей гибели и то самоотверженіе, съ которымъ онъ, во мгновеніе ока, взлѣзаетъ по веревочнымъ лѣстницамъ на самый верхъ мачты, перекидывается съ одного паруса на другой, смѣло стоитъ надъ бездною моря. Ему не страшна, какъ видится, буря — онъ самъ вихрь, его не пугаетъ, что одна минута оплошности, потеря разсчитаннаго равновѣсія и онъ, безъ куля и баластины, живая добыча, неожиданное лакомство прожорливой акулы; что ему нужды до этого? Онъ, сознавая свою силу, свою ловкость, презрительно смотритъ на бушующую стихію и съ усердіемъ исполняя свой долгъ, видимо радуется случаю бойко помѣрить силы свои, съ силами во-

дяной природы! Не видывалъ я прежде морей, живя въ деревнѣ при мелководной рѣчкѣ, не плавалъ я нетолько въ большихъ судахъ, но даже и въ рыбачьей лодкѣ,— буря на водѣ и волны ея мнѣ не знакомы; разнородные водяные жители и во снѣ не грезились, словомъ, морская жизнь мнѣ вовсе была не извѣстна, а тутъ на шестомъ десяткѣ лѣтъ, чего не досталось видѣть? Все то, о чемъ я скажу далѣе, конечно болѣе, а быть можетъ менѣе извѣстно вамъ, мой читатель; въ первомъ случаѣ или повѣрьте мои слова, или если скучно читать мой разсказъ, начинайте ваше чтеніе съ четвертой главы, а въ послѣднемъ примите къ свѣдѣнію, каковы есть немногіе мною видѣнные жители морской стихіи. Выше я упомянулъ объ акулѣ, съ нее и начинаю мое слово: Акула, или какъ моряки ее называютъ: «морская собака и людоѣдъ», съ 1-го февраля неотступно начала слѣдить за нашимъ фрегатомъ. Ко мнѣ, а преимущественно къ доктору, часто относились съ вопросами: все ли благополучно, нѣтъ ли въ лазаретѣ трудно больныхъ, песъ-то недаромъ день другой, юлитъ около фрегата! «Все обстоитъ благополучно» и вопросы о появившейся гостьѣ, кромѣ разговора объ ней самой, оставались неразгаданными до 5-го февраля. Въ ночь съ 2-го на 3-е число оказалось, что бывшій до сего времени полуздоровымъ матросъ Иванъ Петровъ захворалъ и такъ разболѣлся, что принимаемыя медикомъ средства, не подавали ему облегченія; оставалось напутствовать его въ загробную жизнь, послѣ чего онъ вскорѣ и умеръ. Мною совершено, какъ слѣдуетъ, отпѣваніе, а по штату отпущены куль, да баластина и, на морѣ море же могила. Тѣмъ же днемъ я слышалъ разговоръ, что «шарха» (акула) отъ фрегата де отстала. Акула животное морское, огромное, самое лютое, самое кровожадное и прожорливое. Если проглотить цѣликомъ остовъ человѣка ей ни почемъ, то бѣдная рыба и рыбка, какъ говорится, ей не попахнетъ и въ горлѣ у ней незастрянетъ. Чутье у ней къ лакомству, видится, отмѣнное, неодолимый врагъ ея—одинъ только китъ. Образина ея съ головы собачья, туловище раздутое свиное, хвостъ продолговатый и кверху кольцомъ завитой. Постоянно открытый ротъ, гораздо ниже верхней

нашъ опускалъ золото, золото это вынималось потомъ мѣстными счетчиками, отиралось полотенцами и передавалось старшимъ, недоставало лишь какого нибудь окуриванія! Смотря на эту картину невольно пришло мнѣ на память то время, когда въ 1830 г., въ первый разъ появленія у насъ на Руси холеры,—я выдержалъ въ одномъ изъ карантиновъ четырехдневное окуриваніе меня, нехворощею и другими удушливыми травами, Нищіе себастіанскіе не были разборчивы на холеру, они хватали наше подаяніе изъ рукъ въ руки: «дареному, дескать, въ зубы не глядятъ», всякое даяніе во благо и всякъ даръ совершенъ! —Впрочемъ и этимъ бѣднякамъ, палочными побоями и толчками, воспрещалось брать отъ насъ подаяніе. Жадность и корыстолюбіе, какъ видно, владѣютъ этимъ народомъ бѣднымъ, полунагимъ, малорослымъ и худощавымъ. За тѣмъ матушкѣ сушѣ нижайшій поклонъ, да и былъ таковъ! 18-го ноября мы оставили негостепріимный портъ Св. Себастіана. 24-го прошли мимо Зеленаго мыса. 1-го ч. декабря перешли за экваторъ. Торжественное русское «ура» огласило пустынныя воды чуждаго намъ океана. 2 чис. благодарственно молились мы о благополучномъ переходѣ нашемъ изъ одного полушарія въ другое. Не миновалось и безъ стародавняго у моряковъ обряда—отпраздновать переходъ свой чрезъ экваторъ. Миѳологическій обрядъ этотъ изстари ведется у моряковъ и преимущественно у тѣхъ, которые въ первый только разъ переходятъ изъ Сѣвернаго полушарія въ Южное. Разказывать объ этомъ не новомъ уже обрядѣ, сопровождаемомъ всегда разными затѣями, шутками и прибаутками, значило бы повторять то, о чемъ нѣсколько разъ такъ много написано, такъ подробно разсказано. А вотъ наступилъ нашъ истинно благолѣпный и торжественный праздникъ: 6-е декабря, праздникъ и храмовой, и соименный нашему всероссійскому Императору. Съ вечера всенощная, по утру литургія съ молебствіемъ, далѣе отличный завтракъ и сытный съ заздравнымъ виномъ обѣдъ и душевно и тѣлесно развеселили праздновавшихъ.

ГЛАВА II-я.

Ріо-Жанейро.

11-го декабря 1853 года начали мы сближаться съ берегами Америки и, первая приблизительная къ матерой землѣ точка— была мысъ Фріо, за тѣмъ показалась гора, прозванная по виду своему, «Сахарною головою», наконецъ 13 ч. представился намъ великолѣпный портъ Ріо-Жанейрскій съ очаровательными долинами и церквами и монастырями на холмахъ. Куда бы ни были обращены взоры, все приводитъ въ восторгъ, изумленіе: безоблачное небо лучезарно сіяетъ на горизонтѣ; ароматическій воздухъ разлитъ по всему пространству не какъ самою природою, а щедрою кадильною рукою придуманныхъ благоуханій. Природа до того не поскупилась обставить Ріо-Жайнеро самыми очаровательными, живыми картинами, что могущественная рука человѣка, ни убавить что либо изъ этихъ творческихъ картинъ, безъ прямыхъ уродливостей ихъ, ни прибавить чего либо лучшаго къ прекрасно уже само по себѣ совершенному,—не въ состояніи. Видя въ первый разъ такую великолѣпную мѣстность, кто не воскликнулъ бы съ созерцателемъ красотъ Божіихъ «яко возвеличишася дѣла твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси и въ твореніи семъ зѣло углубишася помышленія твоя (пс. 91 ст. 6, 103 ст. 24 снес. премудр. глав. 13 ст. 5)! 14-го числа, по обыкновенномъ салютѣ, мы съѣхали на берегъ, который весь былъ покрытъ множествомъ народа. Представьте себѣ нашу радость, наше душевное удовольствіе, послѣ двухъ мѣсячнаго пребыванія на водѣ, выйти на сушу, ходить на просторѣ и, къ довершенію, наслаждаться живописною природою? Пусть меня по нарѣчію не понимали жители, пусть я казался имъ по платью, страннымъ и удивительнымъ, но не обращая на это вниманія и на толпы народа, за мною слѣдовавшія, я вездѣ ходилъ свободно, все высмотрѣлъ безпрепятственно. Городъ Жанейро обширно расположенъ на самомъ привлекательномъ мѣстоположеніи, большая часть окружена водою залива, остальная обложена цвѣтущими холмами и высокими горами. По мѣстности нашей декабрь всегда сопут-

ствуется глубокими снѣгами, трескучими морозами, вьюгами и ураганами, о зелени же въ поляхъ и садахъ помину нѣтъ; а здѣсь тотъ же декабрь, но въ видѣ самомъ роскошномъ майскомъ. Начиная отъ приземистой травки-муравки до необыкновенныхъ вышиною и необъятныхъ толщиною: сосны, кедра, кокоса, клеща, банана и другихъ—все зеленѣетъ, свойственно цвѣтетъ и упоительно благоухаетъ. Смотришь на все не наглядишься, вдыхаешь воздухъ не надышешься. Городъ дѣлится длиннымъ, широкимъ проспектомъ на двѣ части, постройка домовъ по ту и другую сторону, изящна; императорскихъ дворцовъ два: одинъ загородный, въ которомъ имѣетъ свое пребываніе императоръ бразильскій, далѣе арсеналъ, монетный дворъ, таможня и биржа; другой дворецъ внутри самаго города, около торговой площади; но дворцы эти по наружности далеко не ровня великолѣпнымъ чертогамъ русскимъ: Зимнему, Константиновскому — въ Петербургѣ и Николаевскому—въ Москвѣ. Церквей множество, изъ коихъ особенно замѣчательны: храмъ Богоматери—«благоспѣшенія странствующихъ», на отличномъ, красивомъ мѣстоположеніи; соборная—Богоматери преславныя, свѣщницы, св. Себастіана придворная и св. Креста приходская. На главѣ вмѣсто креста у иныхъ изображеніе мѣсяца, а у другихъ пѣтуха; во всѣхъ церквахъ я бывалъ и внѣ службы и во время таковой; не могу скрыть моего удивленія, когда въ одной церкви увидѣлъ я въ самое совершеніе службы, ходящую тутъ же собачку; для чего присутствіе ея здѣсь допускается, и конечно не случайно, я освѣдомиться не могъ. Монастырей также довольно, при нѣкоторыхъ изъ нихъ многолюдныя учебныя заведенія. Радушный патеръ-монахъ, строгій по видимому исполнитель монастырской жизни, съ радушіемъ показывалъ мнѣ богатство церковной ризницы, водилъ по садамъ, цвѣтникамъ и другимъ заведеніямъ: я не надѣялся, но на самомъ дѣлѣ нашелъ для себя большую ласку и доброе гостепріимство у всѣхъ подвижниковъ здѣшнихъ монастырей. Одинъ изъ монаховъ пригласилъ меня въ свою келью и чрезъ нѣсколько минутъ она была уже наполнена его братіею; подана прекрасная закуска, отличное вино и пошло радушное угощеніе; къ сожалѣнію, мы не могли иначе

разговоръ свой вести, какъ только знаками, понимаемыми впрочемъ съ обоихъ сторонъ; хотѣлось мнѣ видѣть общую ихъ трапезу, но данный однимъ, по видимому старшимъ изъ монаховъ, знакъ, показывалъ, что этого допустить почему-то нельзя. Каждый разъ, какъ я бывалъ въ монастыряхъ, страннолюбивые монахи, мало того, что ласково принимали и роскошно угощали у себя дома, они при проводахъ наперерывъ одинъ предъ другимъ дарили меня на память о себѣ, кто какою либо вещь, кто сорванными тотчасъ съ дерева кокосами и лимонами, иной персиками и ананасами, другой фигами и мангабами: одна лишь рѣдкость сохранилась у меня—это четки, подаренныя мнѣ на память старшимъ монахомъ. Гулялъ я нѣсколько разъ въ садахъ, дивное и рѣдкое собраніе до сего невиданныхъ произрастеній изумляло меня до крайности; аллеи испещрены душистыми цвѣтами, дорожки усыпаны золотистымъ пескомъ, прохладительныя бесѣдки раскрашены картинно, на деревахъ созрѣваютъ плоды, перелетныя пташки поютъ, усладительно все, отъ зрѣнія до слуха, восхищало меня нерѣдко до того, что я съ большимъ сожалѣніемъ оставлялъ прекрасную мѣстность. Удивительно, какъ плодовиты въ этой странѣ деревья! 20 числа декабря я похоронилъ на ріо-жанейрскомъ кладбищѣ нашего матроса Захарова; по совершеніи мною обряда, подошелъ ко мнѣ пасторъ, познакомились и пошли гулять между цвѣтныхъ памятниковъ (могила каждаго покойнаго усажена здѣсь превосходными цвѣтами:) проходя садомъ, пасторъ отломилъ небольшую вѣтвь прекрасно растущаго дерева—банана, на которой я насчиталъ около сотни плодовъ; дерево бананъ растетъ красиво и столь плодоносно, что для каждой вѣтви его непремѣнно нужна прочная подставка. Городъ весьма многолюдный, коренные жители его бразильцы, прибылые индѣйны, негры, португальцы, французы и англичане, роскошь въ домоводствѣ и щегольство въ одеждѣ, ручается, какъ видно, за ихъ достаточность. Народъ болѣе торговый и торговлю свою обширно ведетъ: сахаромъ, табакомъ, кофе, перцемъ, лимонами, персиками, кокосами, строевымъ лѣсомъ, красильными деревьями, кожами и многими другими предметами. Главная торговая площадь, болѣе

прочихъ рыночныхъ мѣстъ, наполнена народомъ, продажа и покупка всякаго рода товаровъ съ ранней зари до поздней почи не останавливается, тамъ сбываютъ: красильное дерево и за него получаютъ матерію; въ другомъ мѣстѣ мѣняютъ сахарный песокъ табакъ, фрукты, на сало и пеньку, далѣе хлопчатую бумагу и пряности, вымѣниваютъ на вино, сталь и сукна, словомъ сказать: кто только чѣмъ богатъ, тѣмъ и обмѣняться съ другимъ радъ. Шагу впередъ не сдѣлаете безъ того, чтобы навязчивый торгашъ не предложилъ вамъ купить что либо изъ его товара, а купили, докучливый негръ, какъ тутъ съ своею услугою, на исправность и вѣрность въ доставкѣ вашей покупки къ мѣсту, ничтожное вознагражденіе за труды, вы смѣло полагайтесь на свободнаго негра, онъ голъ какъ соколъ, а въ дѣлѣ своемъ исправенъ. Черный полунагой сбродъ негровъ и негритянокъ безпрестанно изъ стороны въ сторону снуетъ по городу съ тяжелыми ношами на плечахъ. Дѣло другое — негры-невольники; они, запряженные подвое, вмѣсто лошадей, въ телѣгу, наполненную или землею, или камнемъ, даже какимъ либо другихъ товаромъ, не обращаютъ вниманія на самые жесточайшіе побои погонщика; телѣга запнулась по тяжести своей въ ложбинѣ, имъ отпустятъ самый полновѣсный ударъ палкою, поморщатся, принатужатся и телѣга съ грузомъ пошла въ ходъ; негры-невольники раскапываютъ рудники, расчищаютъ водопроводы, возятъ денно и нощно колымаги, словомъ, исполняютъ всѣ тѣ тяжелыя работы, которыя у насъ свойственны однимъ только лошадямъ и воламъ; я видѣлъ такія работы негровъ-невольниковъ и по человѣчеству сердечно сострадалъ о несчастной долѣ, обратившей ихъ въ скотовъ; казалось бы за что бѣдные страдаютъ такъ жестоко, вслѣдствіе чего обращены въ полуживотныхъ? Вслѣдствіе закоренѣлой лѣности своей, сказали мнѣ; онѣмѣлаго безчувствія, воровства, наклонности безсознательно дѣлать возможное зло другимъ; пока въ рукахъ владѣльца, негръ постоянно желаетъ независимости, а дай ему волю, онъ съ своею независимостію надѣлаетъ тысячу преступленій, при малѣйшемъ попущеніи свободы, убѣгая въ лѣса и горы, скитается тамъ среди многихъ опасностей и согласенъ лучше

терпѣть всякаго рода нужду, голодъ и бѣдствія, нежели работать на фермахъ зажиточныхъ людей, пить, есть готовое и, въ добавокъ, еще получать за трудъ свой поденную плату. Таковыхъ трутней тунеядцевъ много на бѣломъ свѣтѣ; ищутъ воли, «а воля», поговариваютъ на Руси «и добра коня портитъ,» «добре рôби, добре и буде!» Лавки и магазины размѣщены по сортамъ товаровъ: линія товаровъ шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ, линія цвѣтная, линія стальныхъ и мѣдныхъ вещей и, наконецъ, линія птичная, послѣ многихъ другихъ. Не для покупки, но изъ одного лишь любознанія, я переходилъ изъ лавки въ лавку, изъ магазина въ магазинъ. При входѣ моемъ продавецъ тотчасъ предлагаетъ свой товаръ и, конечно, лепечетъ о цѣнѣ за него, мнѣ что за нужда: я не понимая словъ, укажу лишь на глаза свои, что я не для покупки вошелъ, а для посмотра и дѣло понято. Въ одномъ мелочномъ магазинѣ былъ со мною и такой случай: вхожу, продавецъ сначала обсмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, подивился моей рясѣ, промурчалъ что-то и за тѣмъ предлагаетъ мнѣ купить любую изъ его вещей, я указываю ему на глаза и, къ удивленію, десятки разныхъ очковъ и зрительныхъ трубокъ готовы къ моему выбору. Хотя дожилъ я до шестаго десятка лѣтъ и въ очкахъ надобности пока не имѣю, но въ удовольствіе продавца примѣрилъ одни, посмотрѣлъ въ другіе, не по глазамъ.... и выходя, оставилъ услужливаго продавца въ недоразумѣніи; было и то, что иные продавцы понимали мой приходъ и съ удовольствіемъ показывали все дивное, все заморское—имѣющееся у нихъ. Линія птичная—это полное собраніе всѣхъ породъ: звѣрей, птицъ и насѣкомыхъ. Большую часть времени пребыванія нашего въ Ріо-Жанейро мы, заѣзжіе, провождали въ линіи птичной; чего тутъ нѣтъ? и разнородные звѣри, и разноцвѣтныя птицы, страшныя животныя и прелестныя насѣкомыя, усладительно поющіе дрозды, безобразныя обезьяны и миловидныя колибри, каждому звѣрю, каждой птичкѣ свое отдѣленіе, своя клѣтка, далѣе комната рѣдкостей, еще комната чучелъ..... любуйся всѣмъ донельзя! Право, нерѣдко чрезъ свою увлекательность, я оставался безъ общаго обѣда. Но особеннымъ дивомъ въ Жанейро казался намъ тотъ прекрасный

и обширный магазинъ, въ которомъ находится безчисленное собраніе всякаго рода издѣлій изъ однихъ птичьихъ перьевъ. Я не съумѣю передать, какъ составляется изъ мельчайшихъ перышекъ цѣлое женское платье, не скажу и того, какъ набрана изъ перьевъ цѣлая шляпа, сдѣланъ какой либо другой весьма затѣйливый нарядъ и въ особенности головной уборъ; но подборъ пестрыхъ цвѣтовъ, наложенныхъ на перья природою, сочетаніе ихъ въ одномъ цѣломъ такъ привлекательно, такъ заманчиво и такъ миловидно, что на иной предметъ смотришь и еще—еще смотрѣть хочется..... При магазинѣ — фабрика, на которой работаютъ множество американокъ. Не разъ я бывалъ и въ загородной прогулкѣ: тутъ тѣнистыя рощи и пушистая зелень услаждаютъ васъ прохладою, тамъ вольныя изукрашенныя птицы порхаютъ, поютъ очаровательно, идете далѣе — цѣлое стадо разноперыхъ, крикливыхъ, попугаевъ; еще далѣе—съ дерева на дерево прыгаютъ обезьяны; далѣе.... нѣтъ, неходите далѣе! тамъ чрезъ любопытство свое встрѣтите, быть можетъ, вѣчное для костей своихъ успокоеніе, тамъ обиталище страшныхъ кровожадныхъ, пріютъ вредоносныхъ и ядовитыхъ насѣкомыхъ. На горахъ и въ долинахъ палящій зной нашему брату сѣверяку-невыносимъ, вы желаете охладиться, утолить свою жажду? вотъ предъ вашими глазами изъ утеса бьетъ ключевая, прозрачная вода, но воду эту, нельзя назвать кипяткомъ, нельзя сказать, чтобы она была и холодная, а такъ середина на половинѣ: полутеплая и полухолодная, утоляющая жажду, но не прохлаждающая васъ самихъ отъ сильнаго зноя. Купались мы нѣсколько разъ въ день, перемѣняли бѣлье по три и четыре раза,—вотъ таковъ климатъ бразильскій! Хлѣбъ, по особенному изобилію пшеницы, чистый, бѣлый и отлично вкусный. Сарачинскаго пшена, всякаго рода плодовъ, овощей и фруктъ черезъ верхъ полно, но мясо или вовсе отвратительное, безвкусное, гнилое и несносное къ употребленію, или полухорошее, но въ маломъ количествѣ и въ сравненіи съ нашими цѣнами непомѣрно дорого; вседневная пища жителей—рыба и рыба; свойство добродушія, ласковости и гостепріимства отличаетъ коренныхъ бразильцевъ отъ пришлецовъ изъ другихъ странъ свѣта, принимая къ себѣ

на домъ, добрые бразильцы не забывали посѣщать и насъ на фрегатѣ, честь за честь, угощеніе за ласку—были и нашимъ привѣтомъ, особенно былъ приливъ жителей къ фрегату наканунѣ нашего отбытія изъ порта: всѣ городскіе жители стеклись на берегъ, стояли и поздравляли насъ съ славною побѣдою, одержанною надъ турками при Синопѣ. По заготовленіи нами всего нужнаго на предстоящій путь, настала наконецъ пора оставить эту очаровательную страну, со всѣми ея прекрасными мѣстоположеніемъ, видами, климатомъ и гостепріимными жителями. 7 января 1854 г., по утру, фрегатъ нашъ, при задушевномъ проводѣ многимъ стекшихся на берегъ жителей, распростился съ Ріо-Жанейро и направилъ свое плаваніе вокругъ мыса Горнъ.

ГЛАВА III.

Мысъ Горнъ. Матросъ въ морѣ. Морскіе жители.

Первый день по отъѣздѣ нашемъ изъ Ріо-Жанейро, всѣмъ намъ какъ-то нездоровилось; болѣзнь эта не была, однакожъ, тѣлесная: сожалѣніе о скоропрошедшемъ удовольствіи и скука снова, на долго предстоящей однообразной морской жизни, томили, казалось, душу каждаго. Разговоръ ли общій начинался, скоро онъ же и кончался; но моряку ли есть время скучать, мореходу ли нѣтъ развлеченія? Засвѣжѣлъ вѣтеръ, налетѣла буря, поднялись гряда за грядою волны, мачты трещатъ, паруса чуть нелопаются, фрегатъ съ боку на бокъ бросаетъ словно щепку мелкую; вотъ моряку забава, вотъ его веселость, тутъ уже думу свою оставляй за морями, какъ бѣда стоитъ предъ глазами! Чѣмъ ближе подходили къ мысу Горнъ, чѣмъ болѣе ожидали постоянной погоды, тѣмъ чаще повторялись грозныя бури, дождь, снѣгъ, градъ съ верху, страшный прибой валовъ и толчея снизу, а 12-го ч. февраля мысъ Горнъ, какъ-бы въ заключеніе того, какими

бойкими онъ владѣетъ силами, угостилъ насъ на разставаньи съ нимъ штормомъ, да такимъ, что я до конца своей жизни едвали забуду; нечего сказать, мысъ Горнъ настращалъ гибелью; но Господь помиловалъ обуреваемыхъ и милосердо спасъ людей своихъ. Если кто, то вѣрно бывшій на мысѣ Горнъ сложилъ поговорку: «кто на морѣ небывалъ, тотъ до-сыта Богу не маливался». Кромѣ общаго ежедневнаго страха, со мною одна была бѣда, которая чуть головою не повершила; въ ночь бурливая погода усмирилась, утро оказалось прекрасное, небо чистое, солнце свѣтило ярко, вѣтеръ былъ для фрегата попутный, словомъ, все обѣщало тишину и спокойствіе; думаю себѣ, теперь и мнѣ можно выйти изъ своей каюты на верхнюю палубу; вздумано и сдѣлано. Осмотрѣлъ водяныя окрестности, полюбовался умѣреннымъ картиннымъ волненіемъ, прошелся разъ десятокъ по палубѣ и прислонясь къ пушкѣ, только что хотѣлъ поразговориться съ г. г. офицерами, какъ ни съ того ни съ другаго, мигомъ налетѣвшая буря, хватила валомъ въ фрегатъ, сильно качнула его, я съ ногъ долой и покатился къ другой сторонѣ, наконецъ опамятовался, собрался съ силами и уже ползкомъ пробрался въ свою каюту, сопровождаемый шутками г. г. офицеровъ, что походка моя перемѣнилась въ нечеловѣческую. Съ большимъ удивленіемъ, а въ иное время со страхомъ и трепетомъ смотрѣлъ я на то мужество моряка, съ которымъ онъ на жизнь или смерть борется съ неукротимыми волнами, ту отчаянную его храбрость, которую онъ выказываетъ въ минуту предстоящей гибели и то самоотверженіе, съ которымъ онъ, во мгновеніе ока, взлѣзаетъ по веревочнымъ лѣстницамъ на самый верхъ мачты, перекидывается съ одного паруса на другой, смѣло стоитъ надъ бездною моря. Ему не страшна, какъ видится, буря — онъ самъ вихрь, его не пугаетъ, что одна минута оплошности, потеря разсчитаннаго равновѣсія и онъ, безъ куля и баластины, живая добыча, неожиданное лакомство прожорливой акулы; что ему нужды до этого? Онъ, сознавая свою силу, свою ловкость, презрительно смотритъ на бушующую стихію и съ усердіемъ исполняя свой долгъ, видимо радуется случаю бойко помѣрить силы свои, съ силами во-

дяной природы! Не видывалъ я прежде морей, живя въ деревнѣ при мелководной рѣчкѣ, не плавалъ я нетолько въ большихъ судахъ, но даже и въ рыбачьей лодкѣ,— буря на водѣ и волны ея мнѣ не знакомы; разнородные водяные жители и во снѣ не грезились, словомъ, морская жизнь мнѣ вовсе была не извѣстна, а тутъ на шестомъ десяткѣ лѣтъ, чего не досталось видѣть? Все то, о чемъ я скажу далѣе, конечно болѣе, а быть можетъ менѣе извѣстно вамъ, мой читатель; въ первомъ случаѣ или повѣрьте мои слова, или если скучно читать мой разсказъ, начинайте ваше чтеніе съ четвертой главы, а въ послѣднемъ примите къ свѣдѣнію, каковы есть немногіе мною видѣнные жители морской стихіи. Выше я упомянулъ объ акулѣ, съ нее и начинаю мое слово: Акула, или какъ моряки ее называютъ: «морская собака и людоѣдъ», съ 1-го февраля неотступно начала слѣдить за нашимъ фрегатомъ. Ко мнѣ, а преимущественно къ доктору, часто относились съ вопросами: все ли благополучно, нѣтъ ли въ лазаретѣ трудно больныхъ, песъ-то недаромъ день другой, юлитъ около фрегата! «Все обстоитъ благополучно» и вопросы о появившейся гостьѣ, кромѣ разговора объ ней самой, оставались неразгаданными до 5-го февраля. Въ ночь съ 2-го на 3-е число оказалось, что бывшій до сего времени полуздоровымъ матросъ Иванъ Петровъ захворалъ и такъ разболѣлся, что принимаемыя медикомъ средства, не подавали ему облегченія; оставалось напутствовать его въ загробную жизнь, послѣ чего онъ вскорѣ и умеръ. Мною совершено, какъ слѣдуетъ, отпѣваніе, а по штату отпущены куль, да баластина и, на морѣ море же могила. Тѣмъ же днемъ я слышалъ разговоръ, что «шарха» (акула) отъ фрегата де отстала. Акула животное морское, огромное, самое лютое, самое кровожадное и прожорливое. Если проглотить цѣликомъ остовъ человѣка ей ни почемъ, то бѣдная рыба и рыбка, какъ говорится, ей не попахнетъ и въ горлѣ у ней незастрянетъ. Чутье у ней къ лакомству, видится, отмѣнное, неодолимый врагъ ея—одинъ только китъ. Образина ея съ головы собачья, туловище раздутое свиное, хвостъ продолговатый и кверху кольцомъ завитой. Постоянно открытый ротъ, гораздо ниже верхней

челюсти, съ пятью одна другой неровными жабрами, зубы въ три ряда на каждой челюсти, трехугольные, острые съ занозами по бокамъ, глаза яркіе и цвѣта краснаго, за ними два уха, чрезъ которыя выходитъ въ ротъ наливающаяся вода, шея съ выемкою, брюхо толстое, на которомъ два и на спинѣ два въ перемежку большія щетинистыя крыла—красноватыя, хвостъ кошлатой собаки, съ крыломъ посрединѣ, цвѣтъ кожи какъ цвѣтъ золы. Какова штука? Она была у насъ на фрегатѣ съ глазу на глазъ; но была только не такая величиною, которая отстала отъ насъ 5-го февраля, а гораздо меньше, такъ примѣрно сказать: аршина въ полтора. Свободные отъ службы матросы, изволите видѣть, охотились на волчатъ, а попали въ медвѣдя, били трезубцемъ такъ называемыхъ морскихъ свинокъ, а попалась на уду акула. Много труда стоило втащить этого звѣря на палубу, не съ кѣмъ подраться, такъ и морской врагъ подъ руку—матросу русскому не попадай: «ура» и прожора звѣрь въ плѣнъ захваченъ; долго любовались мы чудовищемъ, потомъ снявъ кожу и изъ ней набивъ чучело, отвратительное мясо выкинули за бортъ; и въ морѣ, что на сушѣ: однимъ врагомъ меньше, на душѣ какъ-то легче. «Худая трава изъ поля вонъ!» Промолвился я о морскихъ свинкахъ, надо объ нихъ и договорить: въ хорошую и дурную погоду игривость сотень этихъ животныхъ за фрегатомъ, по бокамъ его и впереди, представляла пріятное намъ развлеченіе бывало возьметъ ли тоска-кручина, наскучитъ ли сидѣть въ каютѣ, стоитъ только подняться на верхнюю палубу — и смѣшная стая свинокъ мигомъ изгладитъ самое глубокое раздумье. Ѣзжали ли вы, мой почтенный читатель, проселочными дорогами, если это съ вами былое, то конечно былое и то, что при закатѣ солнца — милліоны мошекъ разновидно вились около вашего экипажа, онѣ то обгоняли васъ, то оставались назади и снова, съ величайшею быстротою совершали впередъ свой полетъ; онѣ тѣшились, а утѣха ихъ самихъ вамъ же служила забавою, а быть можетъ и отвлеченіемъ отъ неблагопріятныхъ думъ. Проѣзжали ли вы въ лѣтнее время чрезъ незнакомыя вамъ селенія? едва показались въ околицу, чуть залаяла одна собака и

проводы собачьи ни дать ни взять какъ въ баснѣ Крылова «прохожіе и собаки»,—чрезъ все селеніе готовы; но проводники эти,— то отстающіе отъ васъ, то впередъ забѣгающіе, хотя для васъ сидящаго на повозкѣ — безвредны, но страшно докучливы своимъ лаемъ. Свинки морскія своимъ дѣйствіемъ къ этому приблизительны, но по свойству и игривости утѣшительны: они частенько въ запуски пускаются съ фрегатомъ, оспариваютъ его летучесть, отстаютъ, снова пристаютъ, быстро погружаются въ воду и также скоро всплываютъ на поверхность воды, пищатъ выражая свое, быть можетъ, негодованіе, а можетъ быть и удовольствіе звукоподражательно слову: «ухъ!» «ухъ!».... Свинка,— это водяное животное — называется по своему рыльцу, которое оченъ походитъ на рыло маленькаго поросенка; величиною съ собаку, игрива и безвредна, быстро плаваетъ и занимательно напѣваетъ свое: «ухъ-ухъ!» Летучая рыба, а по моему скорѣй рыба прыгунья, нѣсколько разъ въ день была видима нами, за мысомъ Горнъ — въ Тихомъ океанѣ и гораздо болѣе нежели сколько въ Атлантическомъ океанѣ. Преслѣдуемая врагомъ своимъ—свинками, рыба эта поднимается надъ водою, дѣлаетъ быстрый весьма продолжительный скачокъ по воздуху и снова падаетъ въ воду; нерѣдко спасаясь отъ такого преслѣдованія, она опускается прямо на палубу вблизи проходящаго судна; величина летучей рыбы около полуаршина, спустившаяся на нашъ фрегатъ рыба, была съ большими, начиная отъ шеи до хвоста крыльями, крылья эти подобны крыльямъ летучей мыши: съ лицевой стороны превосходно украшены въ нѣсколько рядовъ разноцвѣтными ноликами, близко похожими на украшеніе перьевъ павлина, голова ея тупообразная, весь корпусъ,— щучій, хвостъ широкій трехугольникомъ, мясо весьма вкусное и пріятное. Много, очень много разнородныхъ рыбъ морскихъ видали мы въ проѣздъ свой по Тихому океану; начиная отъ огромнѣйшаго кита, забавно бросавшаго не вдалекѣ отъ насъ фонтаны, до юлистой молявки — все занимало, удивляло и развлекало нашу пустынную жизнь.

ГЛАВА IV.

Вальпарайсо. Жители его. Знакомство съ французами и англичанами. Загородная мѣстность. Нашъ отъѣздъ. Праздникъ пасхи на Тихомъ океанѣ.

22-го числа февраля мы прибыли въ портъ Вальпарайсо. Открытая мѣстность, постройка города, многочисленность народа, покрывшая весь берегъ, представились на первый разъ зрѣнію нашему. Мы съ большимъ удовольствіемъ ожидали той пріятной минуты, въ которую сойдемъ на берегъ и лицомъ къ лицу: себя покажемъ и другихъ посмотримъ. Кстати не лишнимъ нахожу разсказать вамъ о томъ наружномъ приготовленіи фрегата, которое въ день прихода въ портъ дѣлали наши моряки и о той бѣглости матросовъ по мачтамъ, которой, прямо можно выразиться, они хвалились туземцамъ. Входя въ какой либо портъ, фрегатъ омывался чисто-на́-чисто, снаряжался флагомъ, паруса ставились и украшались парадно, матросы — приглаженные, пріодѣтые, разставлены по своимъ мѣстамъ, словомъ: все чисто, красиво, нарядно, исправно и въ такомъ-то видѣ судно бодрымъ гоголемъ вступаетъ въ иностранный портъ: —«знай нашихъ!» Бросивъ въ извѣстномъ разстояніи отъ прибрежья якорь, начинается у матросовъ та работа по мачтамъ и съ парусами, которая близко подходитъ къ поговоркѣ: «себя показать». Дѣйствительно, они себя и показываютъ: съ скоростью векши лѣтаютъ они по мачтамъ, съ неимовѣрною быстротою убираютъ паруса и мигомъ безкрылыя мачты остаются свидѣтелями, что фрегатъ приготовленъ къ отдыху на нѣкоторое время. На второй день мы съѣхали на берегъ; съ ранней зари всѣ жители сбѣжались на посмотръ насъ — русскихъ. Трудно высказать случайное свиданіе націй, раздѣленныхъ морями и океанами; свиданіе это болѣе любопытство и удивленіе, нежели ожидаемое знакомство, болѣе посмотръ одинъ другаго, нежели радостная встрѣча родныхъ и друзей. Мы дивились жителямъ, они дивились намъ и толпы народа, разступаясь, давали дорогу *путеводителю до* мѣстной гостинницы. Содержимая англичанами

гостинница точно прекрасная, кушанье отличнѣйшее, большою частію рыбное, прислуга усердная и на первый разъ для насъ довольно. Съ третьяго дня по пріѣздѣ, начались и вмѣстныя и отдѣльныя наши прогулки по городу. Вальпарайсо городъ богатый, многолюдный, и численность прибылыхъ англичанъ и французовъ превосходитъ, мнѣ кажется, число осѣдлыхъ, лицомъ свѣтло-желтыхъ, американцевъ. Храмы западной церкви не достопримѣчательны, постройка домовъ (строеніе и обнесеніе ихъ приблизительно къ нашимъ) болѣе деревянная, нежели каменная, крыши соломенныя и черепичныя, наружность домовъ раскрашена картинно, убранная цвѣтами галлерея, или балконъ, почти каждый прикрытъ отъ солнечныхъ лучей изящными рукодѣльными занавѣсами, на балконѣ утвержденъ длинный шестъ и на шестѣ этомъ развѣвается національный раскрашенный флагъ; все это очень близко походитъ на наши загородныя дачи; улицы узкія, но чистыя, грунтъ земли бѣлый, песчаный и каменистый; болѣе всего замѣчательна на возвышенномъ мѣстѣ крѣпость, обнесенная каменною высокою стѣною; прекрасная дорожка ведетъ кругообразно къ этой крѣпости по взгорью, на которомъ стоитъ въ шесть или семь ярусовъ башня, близко похожая на нашу пожарную каланчу; видъ съ нея на окрестности города очаровательный. Торговая площадь, кромѣ богатыхъ лавокъ и магазиновъ съ европейскими предметами, изобильна виноградомъ и арбузами, послѣдніе весьма дешевы. Хлѣбъ исключительно бѣлый и вкусный, картофеля много, рыбы вдоволь; радушіе, ласки и расположеніе почтительныхъ американцевъ къ иноземцу, рѣзко отличаютъ ихъ отъ надмѣнныхъ французовъ и надутыхъ англичанъ; въ одной изъ фруктовыхъ лавокъ я покупалъ виноградъ и яблоки, добродушный американецъ съ пріятною настойчивостію предлагалъ мнѣ разнаго рода угощеніе.—«Да какъ же вы, батюшка,—спросите меня,—торговались съ американцемъ за покупаемое у него, не понимая нарѣчія одинъ другаго?» Первое то, что у американцевъ нѣтъ той манеры запрашивать цѣну, превышающую качество покупки, у нихъ это не принято и строго преслѣдуется правительствомъ и второе, указавъ (я говорю собственно о себѣ)

на покупаемую вещь, отдаю по моему соображенію о стоимости таковой, деньги обращающіяся тамъ; мало—продаватель считаетъ мнѣ недостатокъ по пальцамъ, излишніе далъ,—возвращаетъ обратно, и кончено. Не мало обращено было мое вниманіе на водовозовъ здѣшнихъ—по отдаленности воды отъ города они развозятъ ее по дворамъ въ боченкахъ—перекинутыхъ на спину ословъ; вода эта, не совсѣмъ на вкусъ пріятная, продается дорогою цѣною, но въ особенности дороговизна на ледъ, котораго въ Вальпарайсо нѣтъ, но который привозится изъ отдаленныхъ мѣстъ. Ледъ продается здѣсь по полтора руб. сер. за фунтъ, а у насъ — на Руси, подумалъ я? Что дѣлать, за моремъ, говорятъ, телушка—полушка, да рубль съ перевоза, жаль денегъ, пей кипятокъ. По прошествіи дождей, часть небогатыхъ жителей поспѣшно идетъ къ ложбинамъ и находитъ въ нихъ много золотой руды, которую очищаетъ и перепродаетъ покупателямъ съ большою выгодою. Разнородныхъ прекрасныхъ раковинъ и коралловъ, выбрасываемыхъ моремъ на берегъ, множество; ихъ мало собираютъ и потому цѣнность таковымъ почти ничтожна, тогда какъ у насъ въ Россіи рѣдкость дорогая. Разгуливая часто по вечерамъ по берегу моря, я собралъ здѣсь и сохранилъ нѣсколько миловидныхъ раковинъ, въ томъ числѣ розовый кораллъ и раковину называемую: «морское перо». Подумаешь, — какими бы заморскими рѣдкостями каждый изъ насъ не запасся изъ Ріо-Жанейро и Вальпарайсо, если бы мы возвращались въ Россію обратно тѣмъ же путемъ?... Два раза я бывалъ въ здѣшнихъ баняхъ, или прямѣе назвать, ихъ ваннами, о роскоши которыхъ не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ. Это бы еще не удивительно, что баня состоитъ изъ нѣсколькихъ, отдѣльныхъ для каждаго человѣка, изящно меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ стоятъ высѣченныя изъ превосходнаго камня (въ Ріо-Жайнеро изъ мрамора): ванны, приготовлены надушенныя простыни, полотенце, ароматическое мыло, духи, помада, черепаховыя щетка и гребенка; но крайне удивительно то, что надъ вашею головою тянется длинною перспективою натурально зрѣющій виноградъ; побывали вы въ ванной,

воду въ которой перемѣняютъ однакожъ для одного человѣка не болѣе двухъ разъ, за 1 руб. 20 коп. сер. на наши деньги, страсть какъ разбираетъ охота отвѣдать винограднца, такъ нѣтъ: «видитъ око, да зубъ неймеръ». Припомнишь разсказъ дѣдушки Крылова про лису и виноградъ, и уйдешь скорѣе, чтобы оскомину не набить!.... Внутреннее спокойствіе города преимущественно соблюдается: при малѣйшемъ подозрительномъ происшествіи въ какомъ либо мѣстѣ, при ссорѣ двухъ-трехъ человѣкъ на улицѣ въ ночное время, тотчасъ сторожевыми (которые находятся у воротъ каждаго жителя) дается свистомъ повѣстка и полицейская расправа немедленно является къ мѣсту происшествія. Между тѣмъ какъ каждый изъ насъ любовался городскою мѣстностью, высматривалъ, выглядывалъ то или другое, наслаждаясь вполнѣ удовольствіемъ, 3-го марта появился на взморьѣ идущій прямо къ городской пристани англійскій военный фрегатъ, вооруженный 52-мя пушками. Грѣха таить нечего,—а струхнули мы, предвидя еще отъ Ріо-Жанейро непріятную за нами погоню.—«Ну ребята, говорилъ нашъ командиръ, гость этотъ настигаетъ насъ не съ добрымъ, пожалуй, намѣреніемъ: первое—не робѣть, а второе—биться и драться на-смерть».—«Рады стараться!» было искреннимъ единодушнымъ отвѣтомъ нашихъ храбрыхъ моряковъ. Фрегатъ привалилъ къ пристани, осмотрѣлъ нашу «Діану» на благородномъ разстояніи и выпустилъ свою команду на берегъ. Смотримъ, что будетъ дальше, но насъ не задѣваютъ и мы радехоньки пріѣзжимъ ласковымъ словомъ. Въ ту же самую гостинницу, въ которой мы продовольствовались, сходились и англійскіе офицеры: вмѣстѣ завтракали, обѣдали и даже пуншевали, но безъ малѣйшаго вида какой либо непріязни; слава Богу, говорили мы между собою, дѣло-то идетъ ладно. 7-го числа, въ воскресенье — усмотрѣнъ былъ на морѣ и другой фрегатъ, идущій къ Вальпарайсо; фрегатъ этотъ оказался французскій, шестидесяти пушечный. Не добромъ пахнетъ, еще подумали мы; однако что будетъ, то будетъ; а будетъ что Богъ дастъ! Привалилъ.... и французы посыпали на берегъ. 8-го числа поутру —извѣстная гостинница наполнилась странниками трехъ раз-

личныхъ націй. Англичане уже намъ знакомы, а въ знакомствѣ съ французами дѣло не стало. Не понимая языковъ, ни англійскаго, ни французскаго, по выраженію только лицъ, взаимному радушному угощенію и рукожатію судилъ я, что знакомство съ нашими моряками идетъ ласково и дружелюбно. Со дня на день и чаще всего мы сходились съ англичанами и ранцуз ами въ извѣстной гостинницѣ, нерѣдко завтраками и обѣдами за общимъ столомъ; разговоры нашихъ гг. офицеровъ съ ними, мнѣ въ то время непонятные, подъ часъ замѣтны были въ спорномъ видѣ; по разговору же между собою нашихъ офицеровъ видилось, что французы всегда превозносили выказанную храбрость русскихъ противъ турокъ при Синопѣ, отдавали преимущество въ знаніи своего дѣла болѣе русскому флоту, нежели флоту турецкому; англичане же хоть и притакивали, но въ согласіи ихъ на это явно просвѣчивались: холодность, зависть и негодованіе; впрочемъ, искрометное шампанское съ драгоцѣннымъ льдомъ и пріязненное разставанье обыкновенно заканчивали свиданіе. Ближайшія окрестности Вальпарайсо чрезвычайно гористы, за пять—за шесть верстъ отъ города раскинуты очаровательныя долины, по которымъ изгибами протекаетъ быстрая рѣка; зелень, виноградныя лозы, душистые цвѣты, пальмовыя деревья чаруютъ зрѣніе и напоеваютъ воздухъ благоуханіемъ. По исправленіи фрегата, 11-го марта мы оставили Вальпарайсо, направивъ путь свой къ Сандвичевымъ островамъ. Снова—вода и небо, та же однообразная жизнь, то же развлеченіе или занятіе, какъ было прежде. Насталъ великій постъ. Мы начали поститься вполнѣ, вникнули истинно въ самихъ себя, безъ попеченій, пустынно.... Вотъ гдѣ, думалъ я, пустынная обитель — подъ небомъ, на водахъ неизмѣримаго океана; здѣсь безмолвіе — при шумѣ бурь, при грохотѣ валовъ; и къ мѣсту и ко времени сокрушенное покаяніе—предъ ежеминутною могилою, на чертѣ между смертью и жизнью! Не понять на сушѣ тѣхъ всеисповѣдающихъ думъ, того искренняго раскаянія въ своихъ поступкахъ, что перечувствуется, передумается въ бурную погоду на морѣ..... на сушѣ — дума за горами, на морѣ — смерть за

плечами!... 11-го апрѣля въ глубокую полночь вышли мы со со свѣчами, крестомъ и иконами на палубу, съ пѣніемъ стихиры: «Воскресеніе Твое, Христе Спасе! . . . Обойдя троекратно между мачтъ подъ звѣзднымъ небомъ, на водахъ Тихаго океана, при совершенномъ успокоеніи не задолго бушевавшей стихіи—воспѣли мы: «Христосъ воскресе!...» Послѣдовавшій при семъ троекратный выстрѣлъ изъ пушекъ возвѣстилъ духовную радость нашу не подобнымъ намъ человѣкамъ, а тварямъ безсловеснымъ —рыбамъ морскимъ. Думалось: была ли пора отъ воскресенія Христова, что кто либо изъ православныхъ, по обряду именно грекороссійской церкви, встрѣчалъ праздниковъ праздникъ на Тихомъ океанѣ? Оглашались ли воды океана всерадостнѣйшимъ благовѣстіемъ воскресенія сотворившаго вся? Не первые ли мы праздновали здѣсь пасху красную, прославили Живоноснаго Источника? Послѣ всерадостной заутрени и литургіи, было общее обычное розговѣнье; мы привѣтствовали съ праздникомъ всѣхъ нашихъ родичей, друзей и пріятелей на Землѣ Русской заглазно; мы радовались также и тою же радостію— кь было въ странѣ родной, въ кругу близкихъ сердцу, въ обществѣ земляковъ..... я обходилъ со крестомъ каюты (безъ преувеличенія) во всю свѣтлую недѣлю, совершая молебное пѣніе точно также, какъ установлено это обычаемъ въ православныхъ городахъ и селахъ.

ГЛАВА V.

Прибытіе на Сандвичевы острова. Конаки-нырки. Городъ и его жители. Представленіе наше королю. Посѣщеніе королемъ нашего фрегата. Рукописи его и королевской фамиліи. Двукратное отбытіе съ острововъ.

Въ концѣ апрѣля начали показываться мелкіе острова—предвѣстники Сандвичевыхъ острововъ. Послѣ продолжительнаго пятидесятидневнаго и крайне утомительнаго плаванія, от-

радно было хотя взглянуть на эти клочки обитаемой земли. Тотъ, кто держалъ хоть полусуточный куда либо путь водою, знаетъ вполнѣ то удовольствіе, которое проявляется при сближеніи съ пристанью, которое ожидаетъ его на берегѣ!... 1-го мая вошли мы въ портъ Гонолулу на островѣ Оагу. Не успѣли еще утвердиться на якорѣ, какъ сотни нагихъ конаковъ окружили фрегатъ нашъ лодками: иные съ удочками для ловли рыбы, другіе же для посмотра новоприбывшихъ незнакомцевъ—русскихъ. Мичману N. N. вздумалось привѣтствовать туземцевъ интересомъ; показавъ конакамъ серебряную мелкую монету, N. бросилъ ее въ воду и, представьте наше удивленіе, подивитесь неустрашимости и самоотверженію островитянъ, около пяти нырковъ мгновенно ринулись съ лодокъ своихъ стремглавъ въ воду... чрезъ нѣсколько секундъ брошенная монета была ужъ въ рукахъ удальца-нырка. Такая ловкость и удальство разохотила многихъ изъ насъ позабавиться конаками-нырками. Долго бросали въ воду то серебряныя монеты, то сахаръ, наконецъ брошена была монета мѣдная, ее также поспѣшно досталъ одинъ изъ конаковъ, но посмотрѣвъ что мѣдная, самъ бросилъ въ воду и послѣ сего конаки, безъ показанія имъ монеты, не такъ-то были ретивы до ловли монетъ. Со 2-го числа получено дозволеніе бывать въ городѣ; городъ большой на обширной долинѣ между горами, съ вершинъ которыхъ вытекаютъ ручьи, производящіе множество прекрасныхъ водопадовъ; вода весьма пріятнаго вкуса; главная улица раздѣляетъ городъ на двѣ части, жилыя строенія деревянныя, одноэтажныя, покрытыя соломою или черепицею и вообще архитектуры непрочной. Королевскій дворецъ отличается отъ прочихъ строеній только тѣмъ, что крыша на немъ досчатая; за тѣмъ если и есть въ городѣ постройка болѣе изящная и болѣе красивая, хотя также деревянная, но она принадлежитъ исключительно или англичанамъ, или французомъ, которыхъ здѣсь по торговлѣ весьма много; каждый почти домикъ имѣетъ цвѣтникъ, или пальмовыя и фруктовыя деревья, помѣстительный дворъ съ воротами или безъ воротъ; особенной опрятности и чистоты, къ сожалѣ-

нію, не соблюдается; жители конаки — полунагіе, черные, дикіе; угрюмые и нелюдимые; поклоняются нѣкоторые идоламъ, въ честь которыхъ воздвигнуты разныя капища; находящіеся здѣсь миссіонеры - католики успѣшно просвѣщаютъ и преобразовываютъ народъ этотъ. Воздѣлываніе полей, рыбная ловля и бой китовъ, составляютъ единственный предметъ особеннаго занятія мѣстныхъ жителей. Пища ихъ—печеная свинина, собачина, рыба, картофель и прочія овощи. Скотоводство изобильное: лошади вообще хорошія, свиньи крупной породы и жирныя, коровъ много, а болѣе того собакъ, которыхъ каждый домохозяинъ разводитъ и откармливаетъ для лакомой своей пищи; другое же лакомство сандвичанъ — старшинъ: рыба — акула; за блюдо это весьма дорого платится и готовится оно только къ почетному, или торжественному столу. Изъ птицъ домашнихъ: индѣйки, куры, гуси, голуби, и утки - шавуны. Въ подобіе нашему русскому хлѣбу, природа сама производитъ здѣсь въ величайшемъ изобиліи растеніе, подъ названіемъ «тары.» Она безъ посѣва произрастаетъ на болотистыхъ, влажныхъ мѣстахъ; стебель ея довольно толстый, листья большіе продолговатые, плодъ образуется въ землѣ, къ окончательной созрѣлости круглый, довольно большой — наподобіе нашей тыквы; подъ крѣпкою корою этой тыквы — масса, близко подходящая свойствомъ къ рѣпѣ, изъ которой островитяне вальками свиваютъ тѣсто, пекутъ и употребляютъ за хлѣбъ; оно довольно вкусно и питательно. Всѣ произведенія, по дивному климату и плодородной землѣ, разводятся въ изобиліи; природа не заставляетъ сандвичанина за собой ухаживать и много трудиться,—сама объ немъ болѣе заботится, сама, безъ всякихъ насилій и сдабриванія, его продовольствуетъ; дай ей единицу и сторицею возвратится! Кромѣ тары: картофель, капуста, огурцы, чеснокъ, горчица, тыква, арбузы, дыни, лимоны, апельсины, ананасы, фиги, крупный виноградъ, бананы, кокосы, сахарный тростникъ и многое другое такъ изобильно, такъ избыточно, что островитяне всѣмъ этимъ торгуютъ и сбываютъ на иные острова и въ другія мѣста. Домашняя посуда у однихъ только старшинъ — европейская; тутъ есть: чайники, стаканы

рюмки, графины, тарелки и прочіе приборы; за тѣмъ у простыхъ сандвичанъ посуда изъ тыквъ и кокосовыхъ орѣховъ; въ этихъ чашкахъ они растворяютъ тару водою и ѣдятъ не ложками, а двумя пальцами, которые обмакнувъ, слизываютъ жидкость. Заглядывалъ я къ городскимъ жителямъ, нерѣдко бывалъ и за чертою города, въ городѣ—дурно, а за городомъ того хуже; тутъ живетъ въ юртахъ и шалашахъ классъ бѣднѣйшихъ и совершенно нагихъ конаковъ; столовъ и стульевъ, или по крайней мѣрѣ скамѣекъ, у нихъ вовсе нѣтъ, а разостланы на полу соломенныя плетёнки, но плетёнки эти выработаны изящно, солома разноцвѣтная; въ юртѣ, или шалашѣ, все достояніе заключается въ козанкѣ, повѣшенномъ на треножникѣ, да по стѣнамъ развѣшены коралловыя необдѣланныя ожерелья; вообще о жителяхъ и образѣ ихъ домашняго быта заключаю тѣмъ, что бѣдность, неопрятность, нечистота, безкусіе, безпорядочность и прочее, и прочее, составляютъ отличительное доморощенное свойство лѣнивыхъ сандвичанъ. Дѣло иное хотя и прибылые, но уже осѣдлые жители: французы, англичане, американцы; характеръ ихъ жизни извѣстенъ у насъ въ Россіи, таковъ онъ и здѣсь; правда, берутъ за все дорого, но за то и мило!... Гостинницы, ими же на манеръ европейской устроенныя, чисты—роскошны; кушанье изящное. Худо было въ одной гостинницѣ только то, что заказанный на жареное блюдо баранчикъ, оказался, по признанію самого буфетчика, щеночкомъ, который тотчасъ былъ узнанъ и возвращенъ, безъ нерушимаго употребленія, со стола. Такое угощеніе куда какъ не добросовѣстно! Комнаты нумерныя,—весьма покойны; при одномъ изъ водопадовъ устроена купальня отличная, красиво перекинутые надъ ручьями переходные мостики, наложенная въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мостовая, чистенкіе тротуары, возводимая время отъ времени лучшая постройка, свидѣтельствуютъ, что переселенцы — иностранцы, преобразуютъ острова Овайгиские на европейскій ладъ. Климатъ жаркій и весьма здоровый; небо, постоянно ясное, воздухъ легкій, вечерняя пора есть самое лучшее время для прогулокъ; въ эту пору можно видѣть и европейцевъ различныхъ націй, гуляющихъ въ разнохарактерныхъ блестящихъ

одеждахъ и смуглыхъ конаковъ въ мѣстномъ платьи съ вѣнками на головахъ изъ прекрасныхъ живыхъ цвѣтовъ. 5-го мая гг. офицеры и я при нихъ, представлялись овайгискому королю. Церемонія началась съ шествія по длинной перспективѣ, ведущей ко дворцу его величества; разставленное по сторонамъ войско отдавало честь, по мѣстнымъ обычаямъ, поклонами и кувырканьемъ; музыканты довольно непріятно для слуха играли что-то уши раздирающее... Мы взошли на крыльцо при встрѣчѣ старшинъ — овайгискихъ, далѣе въ пріемную, довольно большую палату; король, окруженный своими сановниками, привсталъ съ своего троннаго мѣста и на поклоны наши, отвѣчалъ поклономъ; росту онъ средняго, лѣтъ довольно пожилыхъ, взоръ привѣтливый; на немъ былъ казакинъ, оплечье котораго убрано кистями и шнурами; въ рукахъ держалъ жезлъ; мы одинъ за другимъ съ поклонами представлялись его величеству по очередно; переводчикъ, должность котораго исправляетъ офиціантъ его величества, принявъ свѣдѣніе отъ нашего командира о званіи представляющагося, докладывалъ своему королю; въ концѣ всѣхъ подошелъ и я,— званіе мое и костюмъ мой болѣе всего заинтересовали короля въ вопросахъ обо мнѣ; далѣе не знаю о чемъ была рѣчь короля съ нашимъ капитаномъ и представленіе наше окончилось за тѣмъ весьма благосклонно со стороны повелителя Сандвичевыхъ острововъ. На третій день послѣ сего, король, королева, принцесса и наслѣдникъ его величества прибыли торжественно на нашъ фрегатъ. Они прибыли на нѣсколькихъ лодкахъ, изукрашенныхъ цвѣтами и убранныхъ разными покровами; наверху королевской лодки былъ жезлъ и корона, сопровождавшіе эту процессію сотни конаковъ восторженно кричали свое привѣтствіе. Ихъ величества съ большимъ любопытствомъ и особенною ласковостію осматривали весь фрегатъ, ходили по каютамъ, угощались приготовленнымъ для нихъ завтракомъ, пили шампанское за здоровье нашего Императора, всего Царствующаго Дома, русскаго флота и въ частности за здоровье всѣхъ насъ—путешествующихъ; а когда командиръ фрегата провозгласилъ здоровье

его величества, короля овайгискаго и вслѣдъ за симъ раздалось привѣтное наше русское «ура!», то его величество въ особенности высказалъ свою ласку въ поклонахъ и благорасположеніи; далѣе возглашены были тосты: за здоровье королевы, прицессы, наслѣдника и всѣхъ жителей — Сандвичевыхъ острововъ. Пробыли они на фрегатѣ около четырехъ часовъ и оставили насъ въ весьма благосклонномъ вниманіи. Королева, принцесса и наслѣдникъ — лицомъ смуглы и довольно некрасивы, въ особенности первыя; замѣчательна преимущественно простота ихъ въ обхожденіи не только съ нами, но и съ подчиненными своими; вѣжливость, а болѣе того подчиненность, какъ видится, далеко еще не вѣдомы островитянамъ. 8-го мая сошлись мы всѣ, по обыкновенію, въ гостинницу; въ ней былъ и король, одѣтый поевропейски, — онъ игралъ на биліардѣ съ какимъ-то иностранцемъ; окончивъ игру, началъ угощать насъ шампанскимъ, подавая бокалы изъ собственныхъ рукъ; когда я принялъ отъ него бокалъ и пилъ за его здоровье, то онъ внимательно осматривалъ мою ряску и высказалъ свое особенное удивленіе на широкіе рукава; въ это время всѣ повеселились за-просто — безъ церемоніи... Король и королева какъ-то узнали, что у одного изъ нашихъ офицеровъ есть фотографическій аппаратъ и пожелали чтобы съ нихъ сняли портреты; для этого они, принцеса и наслѣдникъ прибыли на весьма занимательной колесницѣ, которую везли островитяне полунагіе, въ гостинницу, гдѣ и было выполнено ихъ желаніе. Я на сей разъ удостоился особенной чести тѣмъ, что его величество довольно ласково обращался ко мнѣ съ вопросами чрезъ переводчика: «имѣю ли я жену, дѣтей, гдѣ они, пишу ли къ нимъ письма, не скорблю ли о томъ, что ихъ оставилъ на долгое время, въ чемъ состоитъ моя служебная обязанность»; впродолженіи этого разговора, его величество былъ со мною рука въ руку. Между тѣмъ, по распоряженію командира нашего, приготовлена была жжонка изъ рому, которою угощались ихъ величества; они остались весьма довольны и отбывая изъ гостинницы, каждому изъ насъ дали на *память о себѣ* собственныя рукописи (прилагается видъ этой

рукописи). По заготовленіи провизіи и наливкѣ водою, фрегатъ нашъ отплылъ изъ Гонолулу 15-го мая. Послѣ двухнедѣльнаго плаванія по Тихому океану, мы снова 29-го числа прибыли въ Гонолулу, надѣясь найдти здѣсь русскій фрегатъ «Аврору», но фрегата этого въ приходѣ сюда неоказалось; между тѣмъ узнали изъ газетъ, что Францiя и Англія объявили войну Россіи и что англичане послали уже въ Тихій океанъ свои военныя силы догнать и взять съ боя фрегатъ нашъ, «Діану». Вѣсть эта не перепугала насъ нисколько, напротивъ — офицеры и матросы съ самодовольствіемъ потирали руки, съ видимымъ желаніемъ—потѣшиться съ врагомъ на-пропалую! Того жъ числа фрегатъ нашъ, приготовленный однакожъ къ встрѣчѣ съ непріятелемъ, быть можетъ сильнѣйшимъ, оставилъ окончательно Гонолулу и направилъ свое плаваніе къ восточнымъ берегамъ Сибири. На пути этомъ, особеннаго замѣчательнаго, кромѣ каждодневной и ежеминутной боевой готовности—встрѣтиться съ непріятелемъ лицомъ къ лицу, ничего не было; правда, сами мы не воевали, а видѣли войну ужаснѣйшую, войну кровопролитную, только не человѣка съ человѣкомъ, а китолововъ съ китами..... Думалось,—одинъ ли человѣкъ хитритъ противъ подобнаго себѣ въ военномъ искусствѣ?—нѣтъ, и рыба старается обмануть китолова своими увертками; одинъ ли человѣкъ при усиленныхъ трудахъ, глубокомысленномъ вниманіи, изобрѣтаетъ средства побѣдить противника, не оставаясь самъ побѣжденнымъ? и рыба — китъ бойко отстаиваетъ себя отъ натиска человѣка, средствами и орудіемъ, самою природою ей данными; отстаиваетъ себя и нерѣдко побѣждаетъ! Изъ чего хлопочетъ человѣкъ, воюющій противъ себѣ подобнаго,—месть и ненависть, кажется, первое и главное начало этой войны. Не тоже ли самое и въ борьбѣ неразумной твари съ существомъ разумнымъ! Окончаніе войны—польза побѣдителя!!!

ГЛАВА VI.

Прибытіе фрегата „Діана“ на восточные берега Сибири. Заливъ Де-Кастри. Дѣло моего служенія. Приведеніе гиляковъ - не христіанъ въ православную вѣру. Жизнь ихъ. Генералъ-адъютантъ Путятинъ. Плаваніе фрегата „Діана“ къ инымъ берегамъ Сибири и въ Японію.

11-го іюля прибывъ благополучно къ восточнымъ берегамъ Сибири, вошли мы въ заливъ Де-Кастри. Здравствуй матушка-Русская земля! Двѣсти восемьдесятъ дней не видали мы тебя, родимая; около году не слыхали вѣстей про нашихъ родичей, про своихъ друзей и пріятелей. Благодареніе Богу! Проплыли 35 т. верст въ шесть съ небольшимъ мѣсяцевъ, здраво и благополучно; понасмотрѣлись разныхъ дивъ и диковинокъ, насладились благораствореннымъ воздухомъ, напитались изобиліемъ плодовъ заморскихъ и опять въ странѣ родной, на Землѣ Русской—православной, встрѣтились съ глазу на глазъ съ своими земляками, получили болѣе или менѣе отрадныя вѣсти о родныхъ и [illegible]мыхъ, прочитали письма не разъ и не два, подѣлились нов[illegible]ми или слухами про между собою и, каждый за свое дѣло! Жителей въ Де-Кастри очень немного, нѣсколько русскихъ казаковъ, два семейства тунгусовъ, гилякъ и приказчикъ американской компаніи. Въ день нашего прибытія всѣ они, видя въ первый разъ прибывшаго сюда православнаго священника [illegible]дучи сами православнаго исповѣданія, обратились ко мнѣ съ про[illegible]р-шить водосвятіе, освятить ихъ домики и такъ какъ лѣтъ ше[illegible] они не исповѣдывались и св. Таинъ, не сообщались, предоставить имъ возможность исполнить этотъ христіанскій долгъ. На другой же день я, съѣхавъ на берегъ, началъ совершать служеніе: отправилъ молебное пѣніе съ водоосвященіемъ, окропилъ имѣющіяся на берегу строенія и потомъ пять дней правилъ вечерню, утреню и часы, а на шестой, по учиненіи исповѣди, въ церкви на фрегатѣ имѣющейся, литургію, за которою и пріобщилъ всѣхъ ихъ св. Таинъ. Между тѣмъ одинъ изъ тунгусовъ — православной вѣры, объявилъ мнѣ, что въ недальнемъ разстояніи кочуютъ

въ лѣсахъ гиляки—идолопоклонники, всего семнадцать человѣкъ, которые возъимѣли желаніе принять православную вѣру. Удостовѣрясь объ этомъ чрезъ переводчика тунгуса, я чрезъ посредство его преподалъ имъ кое-что изъ Закона Божія и видя за симъ совершенную расположенность присоединиться къ нашей православной вѣрѣ, нѣсколько дней приготовлялъ ихъ къ принятію крещенія. Предшествующія сему обстоятельства были и тѣ, что они добровольно, лично сами истребили на огнѣ своихъ деревянныхъ и весьма безобразныхъ кумировъ; одна же изъ гилячекъ, мужъ которой былъ въ дальнемъ на это время отсутствіи, осталась не переведенною въ православную вѣру послѣдующему случаю: она готовилась также принять крещеніе, но когда истреблялись кумиры и я, войдя съ переводчикомъ тунгусомъ и другими гиляками въ ея юрту, гдѣ замѣтивъ на стѣнѣ висящій кумиръ хотѣлъ снять оный для истребленія, то она, схвативъ со стола ножъ большой, въ сильномъ азартѣ бросилась ко мнѣ; прочіе же гиляки удержали ее ярость и спасли меня отъ предстоявшей смерти. 22-го іюля совершено крещеніе надъ гиляками въ такомъ порядкѣ: утромъ прибыли съ фрегата на берегъ гг. офицеры въ качествѣ воспріемныхъ отцовъ и далѣе началось по обряду самое крещеніе девяти мужескаго и осьми женскаго пола душъ,— кои наречены во св. Крещеніи слѣдующими именами:

	отъ роду:		воспринимали:
Илья Григорьевъ	45	лѣтъ.	Мичм. Григор. Заградскій.
Николай Александровъ	40	»	Лейтен. А. Мусинъ-Пушкинъ
Констант. Александровъ	40	»	Лейтен. Алекс. Можайскій.
Дмитрій Дмитріевъ	30	»	Прапорщ. Дмитр. Кузнецовъ.
Гавріилъ Петровъ	27	»	Подпоруч. Петръ Елкинъ.
Петръ Петровъ	25	»	
Георгій Григорьевъ	20	»	Прапорщ. Григор. Семеновъ.
Александръ Александровъ	5	»	Лейтен. Александ. Можайскій.
Василій Дмитріевъ	2	»	Прапорщ. Дмитр. Кузнецовъ.
Просковея Иванова	80	»	Тунгусъ Иванъ Надѣинъ.

	отъ роду.	
Екатерина Владимірова	70 лѣтъ.	Гердемар. Морск. Кад. Корпуса Владиміръ Козинъ.
Анна } Давыдова	30 »	} Мичм. Давыдъ Ивановъ.
Александра } Давыдова	30 »	
Марія } Апполоновы	30 »	} Гардемар. Морск. Кад. Корп. князь Апполонъ Урусовъ.
Агафія } Апполоновы	2 »	
Ольга Георгіева.	27 »	Гардемар. Морск. Кад. Корп. Георгій Свиньинъ.
Екатерина Васильева	22 »	священ. Василій Маховъ.

Нужно было видѣть: съ какимъ удовольствіемъ и душевнымъ благорасположеніемъ принимали св. Крещеніе эти гиляки и гилячки; съ какою радостію возлагали на шею крестъ Господень, исполняли поспѣшно погруженіе въ воду и всѣ прочія обязанности, къ таинству сему относящіяся..... въ глазахъ ихъ была видна вѣра, а въ дѣйствіяхъ — желаніе быть въ христіанствѣ!!!! По совершенномъ окончаніи таинства, отправлено было благодарственное молебное пѣніе съ колѣнопреклоненіемъ; далѣе новокрещенные были исповѣданы *) и сообщены св. Таинъ, въ чемъ дано имъ отъ меня свидѣтельство; надѣлены иконами, свѣчами и ладаномъ и все это они принимали съ величайшимъ благоговѣніемъ. Въ признательность, какъ видѣлось и въ ознаменованіе столь торжественнаго для нихъ событія, они попросили всѣхъ насъ на угощеніе, которое состояло: одно кушанье изъ вяленой несоленой рыбы, заготовляемой ими въ лѣтнюю пору къ зимѣ, а другое, тоже изъ рыбы, но совершенно сырой, неочищенной и животрепещущей, которую сами гиляки употребляютъ съ величайшимъ аппетитомъ; такое кушанье, конечно, было не по нашему вкусу; въ свою очередь и мы угощали ихъ своимъ хлѣбомъ-солью. Гиляки—роста небольшаго, лицомъ довольно некрасивы, пухлы; одѣяніе ихъ — собольи и другихъ звѣрей кожи, волосомъ наружу, на головѣ и по верхъ платья носятъ разныя побрякушки и бляхи;

---

*) Вопросы для исповѣди и понятіе объ отвѣтахъ сообщены были мнѣ на *тунгусскомъ нарѣчіи* переводчикомъ предварительно.

занятіе ихъ — охота на соболей, которыхъ бьютъ не изъ ружей, а стрѣлою изъ лука; соболиная шкурка у нихъ дешева: намъ доставалось пару-двѣ соболей пріобрѣтать или за мѣдную пуговицу, или иголку, и тому подобную ничтожность. Воздухъ въ юртахъ гиляковъ нестерпимо-тяжелъ, зловоніе отъ рыбьяго жира — производитъ круженіе головы и даже рвоту; домоводство состоитъ все изъ собакъ, которыхъ имѣютъ въ большомъ количествѣ для перевозки походныхъ своихъ юртъ; другаго скота и имущества нѣтъ. Особенный и отличительный обычай гиляковъ, — состоитъ въ слѣдующемъ: подмѣтивъ медвѣдицу, только что ощенившуюся, уносятъ маленкаго медвѣженка, откармливаютъ его рыбою и по извѣстномъ времени закалываютъ; сзываютъ родныхъ сосѣдей, ѣдятъ и празднуютъ, нѣсколько дней. Тѣла умершихъ своихъ родныхъ опускаютъ не въ землю, а полагаютъ въ лѣсу, въ особо сдѣланныхъ ящикахъ; въ одной сторонѣ такого ящика дѣлается небольшое отверзтіе, или окошечко, въ которое они вставляютъ пищу для покойника. 23-го іюля фрегатъ «Діана» оставилъ Де-Кастри и 26-го прибылъ на мысъ Лазаревъ. Здѣсь имѣлъ уже пребываніе вице-адмиралъ, генералъ-адъютантъ Его Величества Путятинъ, который перейдя въ то же время на фрегатъ «Діана», принялъ его въ свое распоряженіе. Радостна была встрѣча наша съ земляками, отрадно слышалось привѣтное «здравствуй», искренно было пожатіе рукъ и послѣдовательный за тѣмъ поцѣлуй.... Всѣ мы были свои и свои въ сторонѣ далекой..... Долго шли взаимные разсказы о прошедшемъ, дружно составлялись предположенія на будущее и фрегатъ «Діана», вновь скомплектованный, переходилъ, подъ командою генералъ-адъютанта Путятина отъ Лазарева мыса къ посту Александровскому и Николаевскому; наконецъ — 3 октября, несмотря на то, что въ Охотское море нагрянула уже сильная эскадра непріятеля, направилъ быстрое плаваніе къ берегамъ Японіи. Мѣстность, какъ Лазарева мыса, такъ въ особенности Николаевскаго поста чрезвычайно-красива, но воздухъ очень тяжелъ и произрастеній, кромѣ рябины и брусники, нѣтъ; находящіеся на мысѣ орлы замѣчательны по своей величинѣ и многочисленности. Жителей, постоянно имѣющихъ свое

пребываніе—нѣтъ; наряжаемыя отъ начальствъ воинскія команды содержатъ караульные посты; зданія небольшія — принадлежатъ собственно казнѣ. Въ недальнемъ разстояніи кочуютъ гиляки, которые снабжали насъ рыбою; денегъ не брали, а за весьма ничтожную какую либо вещицу, напримѣръ: мѣдное колечко, иголочку, пуговку, особенно за листь табачный или сигарку, охотно давали прекрасную дичь и цѣлую рыбу.

ГЛАВА VII.

Японія. Переходъ фрегата изъ порта въ портъ. Городъ Симода 11 декабря 1854 года. Страшное землятресеніе.

9-го октября прибыли мы къ берегамъ Японіи. Останавливаясь разновременно въ портахъ: Хакодатѣ, Оосака и Кадо, 22-го ноября вошли въ открытый для нѣкоторыхъ націй портъ при городѣ Симода. Въ портѣ Хакодатѣ пробыли восемь дней и съ дозволенія японскаго правительства съѣзжали на берегъ, были въ самомъ городѣ; во время прогулокъ по городу, слѣдомъ за нами ходили мѣстные досмотрщики, съ саблями и кинжалами, строго наблюдая именно за тѣмъ, чтобы кто изъ японцевъ не продалъ намъ какой вещи. Такіе проводы досмотрщика начинались съ выхода нашего на берегъ и оканчивались по отбытіи съ берега на фрегатъ. О постройкѣ домовъ японскихъ и личности самихъ японцевъ будетъ сказано мною далѣе. Съѣзжать при городахъ Оосака и Кадо дозволенія дано не было и на берега свои японцы насъ совершенно не пустили. По прибытіи же въ портъ при городѣ Симода, послѣдовало продолженіе прежде начатыхъ переговоровъ между генералъ-адъютантомъ Путятинымъ и японскими сановниками о трактатѣ, относительно границъ и взаимной торговли Россіи и Японіи. Между тѣмъ включилось слѣдующее обстоятельство: когда мы были еще у города Кадо, то японцы сообщили нашему командиру довольно непріятную вѣсть, что состоящій изъ четы-

рехъ военныхъ судовъ англійскій отрядъ, преслѣдуя фрегатъ нашъ, имѣетъ положительное намѣреніе—разбить оный или забрать его и весь экипажъ въ плѣнъ. Сколько ни тревожна была для насъ такая вѣсть, сколько ни падала на душу скорбь, но отвѣтъ моряковъ, на воодушевленіе генералъ-адъютантомъ Путятинымъ, «драться до послѣдней капли крови» и «живьемъ въ руки не даваться», требовалъ и предохраненія и особенной бдительности. Фрегатъ подвели къ городскому берегу, а въ отдаленности при морѣ устроенъ былъ на взгорьи постъ—наблюдать за приближеніемъ непріятеля. Правительство японское, считая постановку военнаго русскаго поста на землѣ ихъ, за самовольство, сильно возроптало; уполномоченные прекратили личное свое соотношеніе и намъ воспрещено было съѣзжать на берегъ. Фрегатъ оттянулся вдаль отъ береговъ, въ глубь бухты и сталъ вблизи одной высокой отдѣльной скалы. Такимъ образомъ стали мы чисто среди двухъ огней: съ моря—сильнѣйшій непріятель, а на сушѣ непріязнь японцевъ!.... но «ни кто какъ Богъ» — говорятъ на матушкѣ-Руси! Послѣ убѣжденій генералъ-адъютантомъ Путятинымъ о необходимости имѣть въ нашемъ положеніи сторожевой постъ, начальство японское согласилось на это и переговоры о трактатѣ пошли 8-го декабря своимъ порядкомъ; намъ всѣмъ дозволено было съѣзжать на берегъ и бывать въ Симодѣ. Кратковременныя прогулки наши хотя и здѣсь слѣдились досмотрщиками, но гораздо снисходительнѣе и благосклоннѣе, именно: можно было остановиться у торговой лавки, посмотрѣть какую либо вещь, но отнюдь не пріобрѣсть ее; полюбоваться японцемъ, размѣняться поклонами, посмѣяться (разговоровъ въ частности имѣть не могли, не зная японскаго нарѣчія), заглянуть во дворъ, взойти въ кумирню, словомъ: посмотры наши и города, и жителей, дѣлались свободнѣе, а соотношенія добросердечнѣе. 9-го декабря японскіе полномочные были приняты у насъ на фрегатѣ съ особенными почестями: они привезли съ собою разные дорогіе подарки для нашего Императора и, погостивъ не много времени, церемоніально отправились обратно. 11-го числа декабря, въ субботу, началось утромъ отлично-хорошимъ: солнце горѣло лучезарнымъ

свѣтомъ, легкій прохладный вѣтерокъ разносилъ повсюду благоуханіе, птички сладкозвучно щебетали свое пѣніе и день этотъ прекрасный въ натурѣ, великъ былъ для насъ собственно потому, что въ слѣдствіе покончениыхъ соглашеній о трактатѣ, дѣлалось приготовленіе церемоніально отправить въ одиннадцать часовъ японскимъ уполномоченнымъ сановникамъ наши лучшіе русскіе подарки для ихъ повелителей. Въ девять часовъ утра, когда начали пить чай, вдругъ данный толчокъ, сильно потрясъ и поколебалъ весь фрегатъ. Я въ это время былъ въ каютѣ вице-адмирала. Ложки въ стаканахъ задребезжали, столы закачались, скамьи и стулья быстро клонились то на одну, то на другую сторону, сами мы, смутясь духомъ, не могли сидѣть покойно: все тряслось, все колебалось....... Вице-адмиралъ поспѣшно вышелъ изъ своей каюты на верхнюю палубу, видимаго же грознаго дѣйствія на поверхности моря и суши совершенно замѣтно не было. Колебаніе было минуту, или двѣ, и потомъ мало по малу фрегатъ успокоился. Вице-адмиралъ сойдя въ каютъ-компанію, объявилъ, что случай этотъ относится къ землятрясенію, которое не рѣдко бываетъ въ Японіи съ бо́льшими или меньшими послѣдствіями. Далѣе, обыкновенныя занятія моряковъ, прерванныя въ моментъ землетрясенія, пошли своимъ чередомъ, но въ скоромъ однакожъ времени дано знать съ верхней палубы, что вода необыкновенно и быстро покрываетъ всѣ берега. Мы всѣ взошли на верхнюю палубу фрегата, снова пришедшаго въ колебаніе и..... вотъ истинная для васъ, мой добрый читатель, картина, а для насъ бывшая страдательная дѣйствительность и ужасная очевидность грознаго явленія природы и той страшной кары небесной, которая ниспослана была Богомъ въ 11-е число декабря 1854 года и на насъ, и въ особенности на жителей японіи! Вода со дна моря буравила и словно въ котлѣ кипѣла, волны ея клубились и, вздымаясь, разсыпались брызгами; валы съ моря одинъ за другимъ— больше, одинъ другаго сильнѣе съ необыкновеннымъ шумомъ и яростнымъ грохотомъ напирали воду, захватывали берега, мгновенно заливали мѣстность все далѣе — все болѣе..... бывшіе у береговъ японскія лодки коверкало и стремительно разбрасы-

вало въ разныя стороны; натискъ воды, быстро распространяясь, добрался скоро до самаго города, залилъ улицы и возвышаясь болѣе и болѣе (до трехъ саженей высоты) затоплялъ, покрывалъ, размывалъ строенія; далѣе, какъ бы довольствуясь своею прибылью, быстро, игриво уносилъ съ собою обратно въ морскую пучину и разломанное строеніе, и самыхъ людей! Скоро весь заливъ наполнился сплошною массою бревенъ, джонокъ, соломы, платья, труповъ человѣческихъ и людей еще живыхъ, сохраняющихъ пока жизнь свою на какой либо доскѣ, или кускѣ дерева. Стонъ, крики, вопль гибнущихъ японцевъ, шумъ воды, ревъ валовъ, завывающіе всплески—это былъ такой хаосъ, приблизительно которому видимъ картины, съ величайшимъ ужасомъ и содроганіемъ читаемъ описанія или вавилонскаго столпотворенія, или послѣдняго дня Помпеи!.... Тамъ дѣйствовала стихія воздушная, здѣсь страшно губила и немилосердо истребляла все— стихія воды! А что, между тѣмъ, дѣлалось съ нашимъ фрегатомъ, въ какомъ состояніи мы сами находились? Тяжело вспомнить объ этомъ; не легко памяти передать на бумагѣ все видѣнное, перечувствованное!.... Сознаюсь, что и десятой доли не скажу того, о чемъ бы сказать слѣдовало много и много! . . . .

ГЛАВА VIII.

Фрегатъ «Діана». Молебствіе на фрегатѣ.

Въ моментъ начавшагося волненія (въ 5 мин. 11-го часа) фрегатъ, по мѣрѣ убыли и мгновенной прибыли воды, то опускался, то возвышался; его, какъ мелкую щепку, брошенную въ пучину, начало вертѣть, трепать, бить, колотить, снасти трещали, бока лопались, борты наклонялись стремительно то въ одну, то другую сторону. Страшное оцѣпенѣніе овладѣло нами! Первымъ дѣйствіемъ моряковъ было—закрѣпить пушки, закрыть на-глухо всѣ полуборты и люки, призвать къ фрегату баркасъ съ

нашими же матросами, которые всѣ успѣли перескочить на фрегатъ, и бросить (въ ¼ 11-го часа) второй якорь. Мы задержались. Но вслѣдъ за симъ вода съ моря сильно нахлынула, схватила водоворотомъ катера наши и съ дикимъ ревомъ унеслась къ городу. Не прошло десяти минутъ, какъ унесшійся къ городу одинъ — другой потокъ воды, несся уже обратно къ морю съ величайшею поживою. Бывшій на глазахъ нашихъ городъ— Симода — исчезъ! Надъ мѣстомъ, гдѣ онъ былъ, показался густой туманъ и въ воздухѣ разлился сильнѣйшій сѣрный запахъ. Заливъ покрылся обломками строенія городскаго, масса на поверхности такъ была сплошна, что можно было бы ходить по водѣ,..... обломки плавающіе вертѣло, коверкало, мѣшало съ иломъ и несло далѣе—въ море. Фрегатъ силою водоворотовъ, подняло съ якорей; начало носить съ одной стороны берега къ другой и сперва медленно, а потомъ скорѣе и скорѣе вертѣть и кружить наподобіе мельничнаго жернова; въ полчаса околесило его на одномъ и томъ же мѣстѣ болѣе сорока разъ. Мы почуствовали сильную головную боль и многіе, обезсилѣвъ, падали съ ногъ долой. Къ исходу 11 часа нанеслись къ фрегату японскія джонки и надѣлали много вреда; онѣ то прибивались, то отбивались стуча и колотя въ бока нашего судна; бывшихъ на нихъ японцевъ мы звали къ себѣ, бросали для спасенія веревки; но или неловкость ихъ, или самоупрямство были собственною гибелью, одна разбивъ себѣ корму о фрегатъ, схвачена была, наконецъ, водоворотомъ и въ глазахъ нашихъ пошла ко дну, а другая унесена перемѣною теченія воды. Таковая же участь постигла и другихъ многихъ японцевъ, удалось только намъ спасти старуху — японку, которую на обломкѣ дерева поднесло къ самому борту фрегата, да еще двухъ — японцевъ — съ маленькой джонки. Далѣе, фрегатъ сильнымъ круженіемъ понесло быстро къ каменистой скалѣ, еще моментъ..... и фрегатъ разбился бы въ дребезги; но въ самомъ недальномъ разстояніи отъ скалы онъ остановился, постоялъ, покружился и мгновенно двинулся въ противоположную сторону. Здѣсь, въ надеждѣ устоять, присмирить хоть сколько нибудь его, бросили третій якорь и.....

о ужасъ! о страшная и грозная для насъ минута! вода схлынула и фрегатъ съ трескомъ и скрипомъ повалился на лѣвый бокъ.— Представьте, сердобольный читатель, каково было наше положенiе?? мы схватились за правый бортъ и повисли надъ бездной; «Господи, спаси насъ!» «Да будетъ воля Твоя!» были послѣднею молитвою каждаго, при сей видимой и неизбѣжной смерти ..... одна пушка, внутри фрегата, сорвавшись съ правой стороны борта и катясь на лѣвую, на повалъ задавила матроса Соболева, матросу Викторову оторвала ногу, а еще тремъ дала сильные ушибы. Этимъ только горемъ мы и поплатились на сей разъ. Минутъ около десяти пролежалъ фрегатъ нашъ на боку, какъ бы отдыхая отъ предшествовавшей усталости, для насъ это время тянулось годами цѣлой жизни..... потомъ вода опять прибыла, фрегатъ, выправляясь по немногу, сталъ въ прямое, какъ должно быть, положенiе и вслѣдъ за тѣмъ, вертясь и кружась, унесся на средину бухты. Меня собственно, позвали съ верху внизъ для исповѣди и прiобщенiя св. Таинъ больныхъ, ушибенныхъ пушкою; едва я успѣлъ исполнить свой долгъ, какъ раздался по свистку вызовъ: «всѣхъ наверхъ»! Поспѣшно вскочивъ на палубу, я увидѣлъ, что фрегатъ опять склоняется на бокъ. Всѣ потерялись..... суетились, скорбѣли, молились и прощались другъ съ другомъ; иные раздѣвшись до нага, готовились вплавь спасаться. Благословивъ команду, благословивъ дѣтей своихъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ исповѣдалъ я Богу прегрѣшенiя, въ страхѣ и при общемъ смятенiи раздѣлся по примѣру другихъ и готовился, въ случаѣ потопленiя фрегата, также вплавь искать собственнаго спасенiя..... Господь помиловалъ насъ отъ предшествующаго пагубнаго положенiя! Фрегатъ дѣйствительно наклонило, но гораздо меньше какъ въ первый разъ, подало назадъ, а потомъ стрѣлою двинуло къ берегу. Во мгновенiе ока, мы перелетѣли отъ одного берега къ другому, какъ бы по воздуху; ни въ то время, ни послѣ осталось неразгаданнымъ, какъ этотъ быстро-мгновенный перелетъ и отъ чего могъ случиться!... Оказались щели, вода сильно врывалась въ нижнiя части фрегата, ее выкачивали люди смѣна за смѣною. Съ 12-ти часовъ губитель-

ное дѣйствіе, казалось, начало стихать, водовороты убавлялись, прибыль и убыль воды дѣлались посредственнѣе; до половины перваго часа бока фрегата обставляли упорными стрѣлами, работа эта шла съ величайшимъ трудомъ для команды и особеннымъ самоотверженіемъ генералъ-адъютанта Путятина. Всѣ крайне выбились изъ силъ, всѣ страшно изнемогли..... Съ половины перваго еще возобновилось прежнее грозное дѣйствіе воды: фрегатъ сорвало, закружило и носило разными направленіями по бухтѣ, три раза сворачивало на бокъ, но гораздо слабѣе и разъ къ разу менѣе. Эта вторичная пытка тянулась около часа, наконецъ съ двухъ часовъ натискъ воды съ моря сталъ уменьшаться, водовороты слабѣли, круговращеніе прекращалось, все приходило въ болѣе спокойное положеніе и въ три часа все стихло! Фрегатъ остановился на значительной глубинѣ залива среди обломковъ зданій японскихъ, лодокъ разбитыхъ, труповъ-утопленниковъ, илу и разнаго другаго мусора, нанесеннаго съ мѣстности городской и поднятаго со дна моря! Въ 4½ часа собрались мы въ храмъ свой на совершеніе благодарственнаго молебнаго пѣнія къ Господу, избавившему насъ отъ величайшихъ бѣдъ и потопленія. Мы молились въ непрошедшемъ еще страхѣ, со страхомъ и трепетомъ; сердцемъ сокрушеннымъ благодарили Спасителя-Бога, даровавшаго намъ спасеніе и животъ жизни; мы воспѣвали Его благость, защитившую насъ отъ конечнаго злаго обстоянія, мы славословили милосердіе неизрѣченное, отъ бѣдъ насъ свободившее; мы величали благоутробіе Спаса, наказавшаго насъ, но смерти не предавшаго; колѣнопреклоненно, со слезами и усердіемъ молились съ благодареніемъ и прошеніемъ, да спасый люди Своя,—благословитъ достояніе во вѣки..... Нужно было видѣть въ этотъ часъ семью нашу скорбную, чтобы истинно убѣдиться въ изреченіи: «Кто на-морѣ небывалъ, тотъ до-сыта Богу не маливался».

ГЛАВА IX.

Осмотръ фрегата. Мѣстность города Симоды. Японцы-горюны. Похороны матроса Соболева. Русскій священникъ и японское духовенство. Работы на фрегатѣ. Выходъ изъ Симодской бухты. Двѣ пословицы.

Послѣ молебствія начали осматривать фрегатъ; бѣдный!..... оказался въ крайне-гибельномъ положеніи: руль оторванъ съ петлями, обшивныя доски во многихъ мѣстахъ содраны, чрезъ пробоины вода стремится сильно и наполняетъ нижнія части судна, въ каютахъ все разбросано, перебито, переломано, порядка—какъ ни въ чемъ не бывало! 12-го декабря съѣхали мы на берегъ и обозрѣвали мѣсто, гдѣ былъ городъ Симода. Мало сказать, что мѣсто это сдѣлалось мѣстомъ разоренія или разрушенія; послѣ бурь и пожара остается хоть что либо; тутъ послѣ наводненія и такого потопленія, представлялась одна долина, измытая и забросанная по мѣстамъ грудою морскихъ каменьевъ. Множество японскихъ джонокъ и разбитыхъ и уцѣлѣвшихъ раскидано въ величайшемъ безпорядкѣ (въ томъ числѣ отъисканы наши: катеръ, шестивесельная лодка и другія къ фрегату принадлежности); трупы утопленниковъ представляли картину страшнаго безобразія: тамъ японецъ, обхвативъ дерево, закостенѣлъ при немъ; въ иномъ мѣстѣ японка-мать, притиснутая камнемъ, замерла съ дѣтищемъ своимъ; кто повисъ на деревѣ, другой торчитъ изъ-подъ ила и песку, нанесеннаго съ моря..... картина, говорю, страшная; зрѣлище—ужасное!! Городъ до землетрясенія видѣли мы обширнымъ, строенія были дивно-красивыя, а теперь кое-гдѣ по горамъ уцѣлѣло 15 или 20 зданій; болѣе тысячи домовъ—какъ не бывало! Жителей погибло тысячи двѣ или три; остальные, при началѣ землетрясенія, бѣжали на горы и спаслись отъ гибельной участи. Осматривая запустѣлую мѣстность съ истиннымъ сожалѣніемъ, встрѣчали мы японцевъ, потерявшихъ здѣсь все свое достояніе! Удивительный народъ! вмѣсто горя—имъ смѣхъ; вмѣсто сожалѣнія—равнодушіе; взамѣнъ скорби—веселый видъ; ходятъ по долинѣ, посмѣиваются, да табачокъ, то и дѣло, покуриваютъ. «Бы-

лаго, дескать, горемъ не воротишь!» Они разсказывали, что въ день землятресенія въ окрестностяхъ Симоды изходилъ по возгорью огонь и бывшія на приморскомъ берегу селенія всѣ разрушило и смыло до основанія. 13-го числа были похороны задавленнаго пушкою—матроса Соболева. Съ одной стороны для исполненія нашего христіанскаго обряда, а съ другой, чтобы показать японцамъ, какъ въ Россіи предаютъ землѣ тѣла умершихъ, погребеніе Соболева совершалось на отведенномъ японскимъ правительствомъ мѣстѣ, церемоніально. Съ берега гробъ несли матросы, впереди ихъ: генералъ-адъютантъ Путятинъ съ гг. офицерами; я въ іерейскомъ облаченіи и пѣвчіе; позади гроба — команда. Процессія такая и громогласное на пути пѣніе: «Святый Боже»..... собрало множество японцевъ, они падали ницъ и дивились на насъ; когда мы пришли къ могилѣ, то прибылъ сюда же старшій японскій бонза съ прочимъ духовенствомъ, во всемъ своемъ облаченіи и вызывался мнѣ отпѣть и похоронить тѣло Соболева по обряду японскому; въ просьбѣ этой ему было отказано. При отправленіи панихиды, духовенство японское стояло близъ насъ и когда запѣли: «вѣчная память»..... гробъ стали опускать въ могилу и засыпать землею: японцы съ особеннымъ любопытствомъ и удивленіемъ посматривали то на насъ, то на зарываемую могилу. Вслѣдъ за тѣмъ бонза, подойдя ко мнѣ, внимательно разсматривалъ бывшее въ моихъ рукахъ кадило и все на мнѣ облаченіе; а по разоблаченіи взявъ меня за руку, повелъ въ свою кумирню и здѣсь угощалъ чаемъ; самъ онъ и прочее духовенство такъ были ко мнѣ ласковы и добродушны, что послѣдующая за симъ обоюдная наша встрѣча была уже не посмотромъ одинъ другаго, а знакомствомъ близкимъ и весьма пріятнымъ. Бывая нерѣдко у горныхъ монаховъ, я пріобрѣлъ, — хотя не совсѣмъ положительное, понятіе о вѣрѣ японской и свойственныхъ вѣрѣ этой обрядахъ. Въ слѣдующихъ главахъ обо всемъ этомъ будетъ сказано мною. — 14, 15 и 16-го чиселъ свозили съ фрегата на берегъ пушки и другія принадлежности, далѣе устанавливали новый парусъ, придѣлывали руль и чинили гребныя суда. Посылаемые для отъисканія безопасной гавани и возвратив-

шіеся 30 декабря наши офицеры разсказывали, что постройки по берегамъ моря видѣли они совершенно разрушенными, что городъ Оосака, подобно Симодѣ, смыло до основанія. 2-го января 1855 года поутру мы вышли изъ Симодской бухты, имѣя направленіе свое къ городу ~~Іеддо~~. Хеда Добрые японцы оказали при семъ великое свое благодушіе: они дали намъ большую джонку, на случай спасенія нашего въ то время, если бы фрегатъ началъ гибнуть на предстоящемъ пути. Въ Симодѣ же осталось нѣсколько человѣкъ, изъ фрегатскаго экипажа. Верстъ тридцать проплыли мы кое-какъ; къ вечеру поднялся вѣтеръ бурливый, который что далѣе, то болѣе усиливался, разводилъ волненіе и способствовалъ къ течи на фрегатѣ; горе слѣдовало за горемъ: приправленную потесь повредило волною, фрегатъ часъ отъ часу дѣлался неспособнымъ къ дальнѣйшему ходу. 3-го января волненіе приняло грозный видъ и мы остановились на трехъ якоряхъ недалеко отъ берега при селеніи Міасимо. Слыхалъ я отъ старыхъ моряковъ двѣ пословицы: «Видючи не́погодь - не по́што въ морѣ». «Съ моря жди горя, а отъ воды бѣды!.»

ГЛАВА X.

Опасное положеніе. Промыслъ Божій и услуга японцевъ. Переправа съ фрегата на берегъ. Гибель фрегата «Діана».

..... и правда; море причинило намъ большое горе, а вода въ конецъ одолѣла! 3-го и 4-го числа вѣтеръ не стихалъ, погода морская бушевала безъ-устали; воду неуспѣвала команда откачивать день и ночь; фрегатъ опускался ниже и ниже; положеніе наше часъ-отъ-часу дѣлалось опаснымъ; заговорили рѣшительно о принятіи мѣръ къ спасенію команды и имущества. Но какъ спасаться при такой погодѣ; какъ преодолѣть явно-гибельныя трудности въ переправѣ съ фрегата на берегъ; какія прибрать средства надежныя изъ — невозможнаго сдѣлать возможное, изъ непрео-

долимаго — побѣдимое, отъ смерти явной — быть и жить?... Упованіе на Бога, отважности и присутствіе духа моряка чего не преодолѣютъ, надъ чѣмъ не восторжествуютъ? «Смѣлымъ Богъ владѣетъ» — вскричали два моряка! и мигомъ шестивесельный катеръ спущенъ на воду..... Два офицера N. N. и шесть человѣкъ матросовъ, напутствуемые благословеніемъ и пожеланіемъ добраться къ берегу, распрощались на предсмертный часъ и взявъ конецъ веревки, оставленной другимъ концомъ на фрегатѣ, смѣло пустились на явную смерть..... отчалили..... волна одна и другая быстро подхватили катеръ..... а налетѣвшій валъ скрылъ его отъ нашихъ глазъ..... «Погибли»! вскрикнули мы въ страхѣ и уныніи..... «Спасены!» раздалось въ воздухѣ..... Дѣйствительно, смотримъ и глазамъ не вѣримъ: собравшіеся еще съ ранняго утра на посмотръ участи нашей тысячи японцевъ и японокъ, человѣколюбиво толпою хлопотали и заботились около чего-то на берегѣ; это что-то — былъ нашъ катеръ и наши смѣльчаки-спасители! Японцы смѣтили, предъугадывая намѣреніе относительно направленнаго къ берегу катера и разсчитывая, что несущіеся къ берегу буруны непремѣнно выкинутъ туда катеръ, привязались на веревкахъ и какъ только катеръ нанесло на берегъ, схватились за него, удержали и не дали съ отливомъ унестся ему обратно въ море! Добрый народъ; право добрый и человѣколюбивый! Здравствуйте жъ, люди добрые на многія лѣта, живите и помните, что услуга ваша спасла до 500 человѣкъ народовъ — иноземныхъ, обязала жизнію по нынѣ живущихъ и признательно памятующихъ о 4-мъ днѣ января 1855 года!!! Веревочная опора основалась, тотчасъ началась проба къ переправѣ нашей съ фрегата на берегъ; шесть человѣкъ отправились въ лодкѣ по канату..... волна за волной захлестывали ихъ: то покажутся изъ воды, то опять скроются; волосъ дыбомъ становился, наконецъ добралисъ очень медленно и вытащены на берегъ всѣ живыми! Бушующая погода и застигшая ночь остановили дальнѣйшую нашу переправу, — свозъ отложенъ былъ до утра. Ночь провели мы безъ сна; и всѣмъ, — что было ёмкое, отливали воду; но прибыль ея не уменьшалась, очевидная гибель наша становилась часъ

отъ-часу неминуемою..... между тѣмъ изъ разныхъ обломковъ досокъ дѣлали плотъ; утра мы ждали какъ особенной благодати Божіей..... Начало свѣтать, вѣтеръ хотя и стихъ нѣсколько, но буруны и сильное волненіе у береговъ не унимались. Приступили къ переправѣ, которая происходила такъ: медика, четырехъ трудно-больныхъ, мичмана, двухъ гардемаринъ и меня со св. Дарами, — антиминсомъ, крестомъ и Евангеліемъ посадили на амиральскій катеръ и первыми отправили на берегъ. Катеръ долго тянулся по канату; а вблизи берега будучи подхваченъ буруномъ, стремительно выкинутъ вмѣстѣ съ нами на берегъ благополучно. Команду свозили партіями: по шестидесяти человѣкъ сажали на баркасъ, который люди тянули также по канату и не доплывая до буруновъ, останавливались; за тѣмъ накидывая подъ руки веревочную передвижную петлю, подаваемую по канату съ берега, каждый по одиночкѣ былъ таскаемъ чрезъ буруны на берегъ. Послѣднимъ переправился съ фрегата на берегъ, при страшно возобновившейся непогодѣ, вице-адмиралъ Путятинъ. Такой ужасный переводъ людей и нѣкотораго весьма необходимаго имущества, окончился предъ вечеромъ благополучно. 6-го числа (въ день Богоявленія Господня) фрегатъ мы видѣли довольно погруженнымъ въ воду; нѣкоторые изъ матросовъ плавали къ нему на баркасѣ, свезли съ него часть багажа, незалитаго еще водою; день этотъ провели весь въ заботливости о мѣрахъ къ спасенію отъ конечной гибели фрегата. Японцы съ состраданіемъ смотрѣли на насъ и особеннымъ участіемъ содѣйствовали къ поданію всякой возможной помощи. 7-го числа, рано утромъ, собрали они до сотни лодокъ своихъ и при продолжающейся непогодѣ отправились съ частію нашей команды къ фрегату, чтобы перетянуть его для починки въ ближащій закрытый портъ. Долго хлопотали они около фрегата, успѣли стянуть его съ мѣста и провели верстъ пять по назначенному направленію..... далѣе, видимъ мы съ берега, что всѣ тѣ лодки, бросивъ фрегатъ, поспѣшно стремятся къ берегу..... мы изумились этому и не понимали причины дѣйствія японцевъ; не прошло и четверти часа, какъ появился сильнѣйшій шквалъ, развелъ страшное волненіе, обратилъ и понесъ фрегатъ

нашъ на прежнее мѣсто. Тутъ начало его вертѣть и кружить, а наскочившій бурунъ опрокинулъ его вверхъ дномъ!.... Долго ярыя волны съ шумомъ и трескомъ разбивались о дно злополучнаго судна; долго — страшные буруны играли съ своею жертвою; заунывно выли вѣтры отходную пѣснь гибнувшей «Діанѣ» и..... наступившая ночь скрыла отъ насъ окончательную участь фрегата!.... Утромъ слѣдующаго дня, видно его уже не было. Такъ погибъ у береговъ японскихъ нашъ кругосвѣтный домъ, такъ окончилъ свое бытіе злополучный русскій фрегатъ «Діана»!! Поскорбѣли..... погоревали..... и обратились къ добрѣйшимъ людямъ — японцамъ.

ГЛАВА XI.

Заботливость о насъ японцевъ. Переходъ изъ Міасимо въ [illegible] (Хеда). Встрѣча насъ городскими жителями. Размѣщеніе наше.

Состраданіе японскаго правительства къ нашему горькому положенію не замедлило выразиться въ искреннемъ добросердечіи, особенной внимательности и явномъ человѣколюбіи. Присланные нарочно изъ столичнаго города чиновники, скорбѣли о постигшемъ насъ несчастіи, заботились о нашемъ успокоеніи, хлопотали о средствахъ обсушить, согрѣть и накормить насъ. Каждодневно прибывающій толпою изъ городовъ и селеній народъ японскій, а въ особенности жители Міасимо, оказывали намъ какое только могли пособіе: иные поспѣшно ставили заборчатые сараи и навѣсы, чтобы укрыть насъ отъ непогоды; другіе несли циновки, маты, ковры, ватныя одѣяла, халаты и разную обувь; кто приносилъ чайники съ кипяткомъ и чаемъ, кто-рисъ, саги (водки) апельсины, рыбу, яица; замѣчательно было то, что нѣкоторые изъ японцевъ, снимая съ себя халаты, тотчасъ отдавали ихъ нашимъ перезябшимъ и передрогшимъ матросамъ..... Участіе на дѣлѣ, выражалось соболѣзнованіемъ на лицѣ японцевъ; ласковая утѣ-

шительная улыбка, вздохи, привѣтственные поклоны, скоробѣжная походка и другія дѣйствія облегчали наше горе. Не долго пробыли мы здѣсь; 11-го числа, раздѣлясь на двѣ партіи, отправились пѣшеходно по большой дорогѣ въ Хеда ~~Іеддо~~. Больныхъ нашихъ несли японцы въ какихъ-то ящикахъ, весьма красивыхъ и покойныхъ. Ящики эти устроены изъ тонкихъ досокъ съ окнами по сторонамъ; внутренность убрана чисто и прекрасно; тамъ имѣются мягкій тюфякъ, теплое одѣяло и другія принадлежности, сидѣть или лежать въ такихъ ящикахъ весьма удобно, а главное — покойно. Походная эта клѣтка, довольно занимательная вещь въ Японіи. Шли мы по дорогѣ около пятидесяти верстъ два [illegible] селенія и города были частые, — въ которыхъ останавлива[illegible] для отдыха. Японцы иные слѣдовали за нами, а большею частію изъ любопытства сходились во множествѣ на посмотръ насъ къ той дорогѣ, по которой мы проходили; они припадали къ землѣ въ знакъ своего намъ почтенія, или привѣтствовали, по обычаю, наклоненіемъ головъ и присѣданіемъ. Въ мѣстахъ отдыха угощали насъ радушно всѣмъ, что только имѣлось съѣстнаго. Меж[illegible]ъ шедшіе впереди чиновники отводили для нашего ночле[illegible] храмы и кумирни, но кумировъ или выносили вонъ, или заставляли досками довольно щитно. На полдорогѣ какой-то старшій чиновникъ раздавалъ намъ въ подарокъ — конверты; въ конвертѣ этомъ съ надписями находился рисунокъ съ прекраснѣйшаго дерева японскаго, названіе котораго не припомню. (Видъ конверта и рисунка.) Приближаясь къ ~~Іеддо~~, повтрѣчалась намъ въ первый разъ японская почта. Напротивъ насъ бѣжалъ очень скоро одинъ японецъ съ предлинною палкою, значкомъ на ней, и съ сумою или съ небольшимъ ящикомъ на груди; изъ любопытства тотчасъ освѣдомились, что эта почта съ казенными бумагами и частными письмами; ящикъ этотъ передается отъ одного лица-другому на извѣстныхъ станціяхъ до тѣхъ поръ, пока посылаемое достигнетъ своего назначенія. 12-го числа вступили мы церемоніальнымъ порядкомъ въ ~~Іеддо~~ при многочисленномъ стеченіи народа, знатнѣйшихъ особъ городскихъ и чиновниковъ японскихъ. Встрѣча намъ была торжественная, ласковая, добро-

Хеда
Хеда
Хеда

душная; въ обычныхъ поклонахъ высказывалось примѣрно наше русское привѣтствіе: «милости просимъ», «добро пожаловать», «ради гостямъ»! Насъ привели къ назначенному для жительства нашего мѣсту; здѣсь нашли мы вновь построенные дома для нижнихъ чиновъ. Вице-адмиралу и всѣмъ офицерамъ отведенъ большой особый домъ, бывшій кумирнею, или храмомъ городскимъ. Кумиры были вынесены, на полу разосланы чистые маты, разставлена по мѣстамъ разная провизія; мы размѣстились по назначенію и удобству. На другой день явившіеся чиновники принесли отъ своего правительства много подарковъ, были приняты съ почестями и отправились съ церемоніею. Съ этого времени и по іюль мѣсяцъ имѣлъ я постоянное въ городѣ Іеддо пребываніе; что самъ видѣлъ, понималъ или соображалъ о дѣяніяхъ мѣстныхъ жителей, о томъ и буду разсказывать вамъ, благосклонный читатель. Не взыщите на излишнихъ подробностяхъ моего описанія, примите во вниманіе первое то, что языкъ японскій мнѣ не извѣстенъ, хотя къ нѣкоторымъ немногимъ словамъ его я по времени и примѣнился; во-вторыхъ, осмотръ мой мѣстности не простирался далѣе города и на разстояніе небольшое за городомъ; въ третьихъ, ходилъ я на прогулку всегда одинъ и въ-четвертыхъ — записывая, что видѣлъ и слышалъ, сообщаю вамъ не какъ писатель, желающій извѣстности, а какъ разсказчикъ для свѣдѣнія о Японіи.

ГЛАВА XII,

въ которой разсказъ идетъ о Японіи.

Климатъ, разнаго рода постройки, личность и жизнь японцевъ, обряды и вѣроисповѣданіе, растенія и всякаго рода произведенія, промыслы — будутъ предметами слѣдующаго моего разсказа. Свѣдѣнія объ этомъ собраны мною въ полугодичное пребываніе въ городѣ Іеддо и потому за краткость ихъ, да не взыщетъ съ меня благосклонный читатель. Я не примѣняю далѣе сказаннаго къ общей мѣстности въ Японіи, — но замѣтки свои вывожу: однѣ по

собственному соображенію, другія — съ сообщеннаго японскими бонзами (тоже, что у насъ священники) и, наконецъ, третьимъ самъ былъ на мѣстѣ очевидцемъ. Съ бонзами и особенно двумя изъ нихъ: Нитто и Зюйто, я скоро сошелся дружественно, искренно — пріятно. У нихъ я проводилъ большую часть времени свободнаго, объясняясь въ началѣ знаками, а потомъ и на словахъ, довольно хотя отрывистыхъ, но для того и другаго понятныхъ. Люди эти добрые — остались и останутся въ памяти моей навсегда за ихъ добродушіе, ласку, гостепріимство, нелицемѣрную искренность при проводахъ и прощаніи со мною во 2-е число іюня 1855 года. Да будетъ жизнь ихъ и всѣхъ японцевъ въ мирѣ.

Климатъ.

Хотя въ пребываніе наше въ городахъ Симодѣ и ~~Іеддо~~ бывали дни ненастные, перепадали изрѣдка дожди, находили густые туманы, случалась пора нѣсколько холодная; но непродолжительное такое ненастье вовсе нельзя сравнивать со всѣми тѣми непогодами, которыя бываютъ у насъ, въ Россіи, и вособенности на Сѣверѣ. Наша осень можетъ даже почесться зимою въ Японіи; по большей части погода здѣсь довольно теплая и дни постоянно ясные. Сады зеленѣютъ, цвѣты — благоухаютъ, солнце съ утра до вечера свѣтитъ ярко, ночи — съ прохладою.... если дождь когда и пройдетъ, то орошая землю, освѣжитъ воздухъ. Возможно ли, напримѣръ, у насъ въ январѣ и февралѣ — купанье въ рѣкѣ?... мы купались по два и по три раза въ день и вода была теплѣе нашей воды! Бываетъ ли у насъ въ то же время какая либо зелень въ садахъ и на поляхъ?... мы видѣли и деревья съ плодами, и долины покрыты зеленью. У насъ зимою природа мертва — въ Японіи она живительна, благотворна; при холодахъ мы кутаемся въ довольно теплое платье, а здѣсь и въ легкой одеждѣ невыносимо-жарко; у насъ въ домѣ по нѣсколько печей — японцы и понятія объ нихъ не имѣютъ. А потому и заключаю, что климатъ въ Японіи долженъ быть постоянно прекрасный, теплый, живительно благорастворенный.

Постройки.

Kedo

Зданія въ городѣ ~~Іеддо~~ гораздо хуже тѣхъ построекъ, которыя я видѣлъ въ Хакодадѣ и Симодѣ. На вопросъ о непрочности жилыхъ домовъ и не особенной рачительности о постройкахъ, японцы, съ которыми я былъ знакомъ, отзывались мнѣ, что часто бывающее въ ихъ странахъ землетрясеніе не располагаетъ строить даже какое либо зданіе изъ камня. Дома у нихъ всѣ деревянные, одноэтажные, весьма рѣдко двухэтажныя, на глиняныхъ, твердыхъ фундаментахъ. Потеря такого дома чрезъ землетрясеніе, — не великое, конечно, горе для японца; лѣсу много и постройка цѣлаго дома не убыточно можетъ быть сдѣлана въ нѣсколько дней. Строятъ они дома свои такъ: укрѣпивъ на фундаментѣ стоймя и наизкось извѣстное число столбовъ и перекладинъ деревянныхъ, накалачиваютъ къ нимъ гвоздями съ обоихъ сторонъ тонкія, покрытыя иногда узорчатымъ лакомъ, доски; въ простѣнкахъ дѣлаютъ отверзтіе для дверей и оконъ, снаружи углы связываютъ для прочности листовою мѣдью, кроютъ соломою и вособенности красиво черепицею. Если домъ желаютъ построить двухэтажный (что впрочемъ весьма рѣдко бываетъ), то столбы выбираютъ высокіе, или наставляютъ по мѣрѣ надобности; этажъ верхній отъ этажа нижняго отдѣляютъ досками, верхъ назначается обыкновенно для жилыхъ комнатъ домовладѣльца, а низъ—для прислуги или кладовыхъ. Домъ богатаго человѣка отличается отъ дома простолюдина преимущественно тѣмъ, что ставится вдали отъ улицы, имѣетъ передъ собою просторный дворъ и окружается или досчатымъ высокимъ заборомъ, или же земляною насыпью; дома же людей небогатыхъ тѣсно прижаты одинъ къ другому въ уровень по улицѣ; садъ или цвѣтникъ прекрасный и огородъ небольшой — необходимая принадлежность почти каждаго дома, кромѣ того при нѣкоторыхъ домахъ есть разнаго рода мелочныя пристройки. Японцы по одному и тому же образцу, строятъ всѣ прочія, кромѣ храмовъ, зданія. Внутреннее расположеніе жилыхъ домовъ изъ подвижныхъ бумажныхъ или тростниковыхъ, весьма красивыхъ, ширмъ; число комнатъ во

всякое время можно прибавить и убавить по произволу; стѣны оклеиваются росписною, даже золоченою бумагою; въ окнахъ рамъ и стеколъ нѣтъ, пустое отверзтіе заставляется на ночь ширмами. Украшеніе — по стѣнамъ: картины, разныя ручныя издѣлія,— значительныя и ничтожныя рѣдкости, печей нѣтъ, а вмѣсто ихъ посрединѣ комнаты сложенъ небольшой очажокъ, надъ которымъ постоянно виситъ котелокъ или чайникъ; дрова день и ночь горятъ внизу очага; въ котелкѣ варится какое либо кушанье, а въ чайникѣ растворяется чай. Столовъ, стульевъ, дивановъ, кроватей и прочаго,—какъ у насъ водится, — ничего нѣтъ; по полу разостланы соломенные очень красивые маты, цыновки или плетенки, — посуда помѣщается на доскѣ, прикрѣпленной къ стѣнѣ; чистоту, опрятность, во всемъ дивный порядокъ японцы соблюдаютъ вособенности. При дворѣ человѣка богатаго или знатнаго слугъ множество, а дѣлать имъ по большей части нечего. Праздность есть отличительное занятіе, такъ называемыхъ по нашему, дворовыхъ людей. Богачь японскій, или вельможа, при домѣ своемъ имѣетъ обширный садъ съ особенными деревьями, а въ комнатахъ стѣны размалеваны живописью какихъ-то безобразныхъ уродовъ; фарфоровая и отлично лакированная посуда, золотыя и серебряныя вещи составляютъ истинную роскошь каждаго богатаго японца. Мелочныя пристройки заняты предметами торговли, имуществомъ домовладѣльца или служителями его. Вообще всякаго рода постройка въ Японіи однообразно деревянная, малопрочная, неслишкомъ красивая; но жителямъ мѣстнымъ очень пригодная, какъ по теплому климату, такъ и незначительной потерѣ ея при случаѣ нерѣдко бывающаго въ той странѣ землетрясенія. (Въ пребываніе наше землетрясеніе было около шести или семи разъ.) Улицы въ городѣ и селеніяхъ прямыя, не слишкомъ широкія; содержатся онѣ весьма чисто; въ началѣ и концѣ нѣкорыхъ улицъ — ворота, при иныхъ находится караулъ военный, строго наблюдающій за порядкомъ и благочиніемъ. Въ ночное время каждая улица хотя слабо, но освѣщается фонарями; по пробитіи въ колоколъ ночныхъ часовъ, настаетъ удивительная тишина по всему городу. Кто имѣетъ надобность идти по улицѣ ночью,

тотъ непремѣнно долженъ имѣть фонарь въ рукѣ,—иначе часовые тотчасъ арестуютъ

Личность японцевъ.

Японцы всѣ вообще ростомъ довольно малы. Насъ — русскихъ, считали они противъ себя за великановъ; тѣлосложенія они полнаго, лицомъ блѣдны и не красивы; ходятъ съ нѣсколько наклоненною головою; взглядъ привѣтливый, выраженіе лица кроткое, постоянно съ улыбкою и добродушное. Извѣдать нравъ и характеръ ихъ, представлялось много случаевъ; но я сошлюсь только на особо отличительные и для насъ достопомятные. Японцы: сострадательны и человѣколюбивы, — это доказано ими на дѣлѣ при спасеніи насъ во время гибели фрегата «Діана»; гостепріимны и добры, — они, измѣнивъ даже законъ свой — не принимать въ государство людей иностранныхъ, кромѣ голландцевъ, приняли насъ ласково въ странѣ своей, дали пріютъ и доставляли все относящееся до жизненной потребности; дружелюбны и чувствительны, — во все время пребыванія нашего у нихъ не только не дѣлали оскорбленія кому либо изъ насъ, но оказывая всегдашнюю свою благорасположенность и почтительность каждому, пріязнь свою и сожалѣніе о насъ выразили при отъѣздѣ нашемъ изъ Японіи. Между собою одинъ къ другому почтительны, всегда кротки и миролюбивы. Конечно, о каждомъ японцѣ сказать этого нельзя, иной надмѣненъ и гордъ, въ другомъ видно притворство и лицемѣріе, тотъ — боязливъ и недовѣрчивъ, а въ комъ либо есть другіе и болѣе того предосудительные пороки; но говорить объ этомъ — дѣло не мое; я видѣлъ къ себѣ одно хорошее и довольно этого. Многочисленность жителей въ городахъ и приморскихъ селеніяхъ даетъ возможность заключать, что Японское Государство чрезвычайно многолюдно. Каждый клочекъ земли, удобный къ постройкѣ— застроенъ; каждый небольшой домикъ вмѣщаетъ въ себѣ нѣсколько семей японцевъ; иные даже кочуютъ просто подъ открытымъ небомъ, съ зонтами въ рукѣ и вѣерами за поясомъ, одѣяніе японцевъ большею частію одинаково: халаты съ широкими

рукавами служатъ у мужчинъ и женщинъ за верхнее и исподнее платье, они шьются: верхъ изъ бумажной ткани, а подкладка всегда изъ шелковой узорчатой матеріи; покрой или длинный до пятъ — или короткій по колѣна, съ отложными красивыми воротниками и очень широкими, въ видѣ нашихъ священническихъ рясъ, рукавами; въ рукавахъ японцы носятъ съ собою — много кое-чего мелочнаго. Достоинство лучшей по подкладкѣ матеріи и число надѣтыхъ халатовъ, — опредѣляетъ состояніе японца; чѣмъ подбой халата лучше, и на плечахъ ихъ больше, тѣмъ онъ считается богаче противъ другаго; богачи и щеголи надѣваютъ иногда до пяти халатовъ, люди средняго состоянія — отъ 2 до 3-хъ, а бѣдные по одному и по два имѣютъ халата. Опоясываются кушакомъ, довольно широкимъ, концы котораго женщины пускаютъ съ лѣвой стороны длинные, а мужчины завязываютъ бантомъ назади; за кушакомъ у нихъ: вѣера, чернилица, трубка табаку и многое другое. У чиновниковъ кромѣ того по два кинжала. Поверхъ накидываютъ халатъ короткій; послѣдній употребляютъ въ двухъ однакожъ случаяхъ: при церемоніяхъ праздничныхъ и тогда онъ бываетъ весь изъ лучшей шелковой матеріи съ разными богатыми вышивками, или въ непогоду и холодъ — изъ толстой бумажной ткани. Цвѣтъ матеріи халатной — разный, но самое нарядное праздничное или церемоніальное у нихъ платье — цвѣта темнаго или совсѣмъ чернаго. Матеріи чисто бѣлаго цвѣта японцы не любятъ; цвѣтъ бѣлый употребляется только во время какой либо особенной скорби и сѣтованія. Обувь общая у всѣхъ японцевъ — носки изъ бумажной матеріи и соломенныя подъ ступнями плетенки, называемыя: «зори»; въ ненастную погоду, вмѣсто соломенныхъ, подвязываютъ деревянныя тонкія колодки на шипахъ, въ комнаты входятъ въ однихъ чулкахъ, а зори оставляютъ, какъ мы колоши, у дверей. Голову въ жаркую пору прикрываютъ вѣерами, — зонтикомъ, креповымъ платочкомъ; въ прохладное же время ходятъ прямо съ открытою головой; бороды и усы брѣютъ или ловко подрѣзаютъ, даже вырываютъ щипчиками по волосинкѣ; волосы съ передней части головы до ушей сбриваютъ на-чисто; а задніе отращиваютъ длинно, намазываютъ клейкою черною жидкостію,

зачесываютъ кверху, взбиваютъ у макушки головы, затягиваютъ шнуркомъ и завертываютъ въ пучокъ. Женщины всѣ волосы завертываютъ на головѣ пуклями, закладываютъ высокій гребень множество лентъ, искусственныхъ цвѣтовъ и разныхъ серебряныхъ или золотыхъ шпилекъ и фигурокъ. Мужчины галстуховъ, а женщины какихъ либо украшеній на шеѣ не имѣютъ; только воротники у халатовъ отдѣляютъ одинъ отъ другаго, чтобы показывать — сколько ихъ надѣто. Замѣчательны у всѣхъ безъ разбора японцевъ, платки носовые; это клочокъ чистой мягкой пищей бумаги, — которою они утираютъ носъ свой только одинъ разъ, а потомъ бросаютъ какъ нечистое и болѣе уже негодное.

Жизнь японцевъ.

При восходѣ солнца ударяютъ нѣсколько разъ въ большой чрезвычайно звонкій колоколъ; затѣмъ ворота по улицамъ отворяются и японцы, кому нужно, выходятъ изъ домовъ своихъ для занятій. Словомъ, посредствомъ колокола возвѣщается жителямъ то, что для свойственныхъ каждому работъ, день насталъ. Не дознался я какъ японцы разсчитываютъ время ночи и время дня, но знаю положительно, что часы ночные означаютъ боемъ въ дощечки, а часы денные — боемъ въ колоколъ. Кушаютъ, по обыкновенію своему, три раза на день: утромъ, въ полдень и вечеромъ. Вседневная пища ихъ: каша изъ сорочинскаго пшена, — это вмѣсто хлѣба; похлебка изъ рѣдьки, или супъ изъ грибовъ, кисель изъ бобовъ, вяленая рыба, раки, всякаго рода зелень и трава; тертая рѣдька, огурцы, бобы съ медомъ, горохъ, яицы, плоды, китовый жиръ и многое другое; но любимое ихъ кушанье — молодой бамбуковый тростникъ, который разводится во множествѣ по рѣкамъ и приморскимъ берегамъ. Соли не бываетъ при кушаньи, а вмѣсто того просоленую рѣдьку въ ломтикахъ, прикусываютъ за каждымъ глоткомъ употребляемой пищи. Ложекъ и вилокъ нѣтъ; жидкость прихлебываютъ прямо изъ чашки, а какіе либо кусочки берутъ и въ ротъ кладутъ двумя тонкими палочками; садятся на полу, ѣдятъ изъ одной чашечки, ста-

вятся на подносахъ предъ каждымъ отдѣльно (рисунки двухъ чашечекъ и вилки японской). Ѣдятъ такъ мало, что у насъ семилѣтній дитя больше съѣсть можетъ; завтракъ, обѣдъ и ужинъ бываютъ у нихъ не продолжительно, послѣ чего безпрестанно курятъ табакъ изъ маленькихъ трубочекъ (рисунокъ трубки) и пьютъ горячій чай безъ сахара, въ это время промежду собою разговариваютъ. Холоднаго питья, неваренаго чего либо, совершенно не употребляютъ; дрова постоянно горятъ подъ очагомъ, чайникъ мѣдный съ водою и чаемъ день и ночь виситъ надъ огнемъ. Чай кипятятъ, а потомъ наливаютъ въ фарфоровыя чашечки (рисунокъ этой чашечки). Къ безпрестанному питью чая и куренію табака какъ мужчины, такъ женщины, даже нерѣдко дѣти, страшные охотники. Сахару у нихъ нѣтъ, а есть песокъ, который содержитъ въ себѣ не много сладости. Японцы всѣ отъ богатаго до бѣднаго, отъ знатнаго до простолюдина, между собою миролюбивы и одинъ къ другому всегда почтительны. Встрѣчаясь на улицахъ, или при свиданіи въ домахъ, безъ разбора знакомства обоюднаго, непремѣнно другъ-другу кланяются. Поклоны эти выражаютъ разными манерами: или приложеніемъ ладоней обѣихъ рукъ повыше колѣнъ и присѣданьемъ одинъ предъ другимъ по нѣскольку разъ; или нагибаются довольно низко, присѣдаютъ на колѣна и касаясь пальцами до земли, произносятъ привѣтныя слова; или предъ старшимъ и знатнымъ падаютъ ницъ лицомъ, ладони кладутъ на полъ, лбомъ касаются земли и громко произносятъ слова. Старшіе, знатные — младшимъ и простолюдинамъ отвѣчаютъ или наклоненіемъ головы, или же небольшимъ присѣданьемъ. Почтительность у японцевъ между собою и взаимное миролюбіе есть особенное, отличительное свойство ихъ жизни; нарушителя этого мѣстнаго обычая наказываютъ по всей строгости закона. Тишина, благопристойность и честность — удивительно сохраняются; пьяныхъ и безобразно шатающихся японцевъ я вовсе не видалъ; воровство, насиліе и присвоеніе чужой собственности влечетъ за собою позорную, даже смертную казнь. Празднество у нихъ бываетъ тихо, скромно и благопристойно; въ знакъ того, что насталъ праздникъ, выстав-

ляютъ на домахъ пучки изъ травы; угощаютъ другъ-друга сагою, конфектами и чаемъ. Саги — хмѣльное вино. Это лучшій напитокъ у японцевъ; дѣлаютъ его изъ сарочинскаго пшена и сохраняютъ лучшую въ глиняныхъ горшкахъ, а посредственную въ четыреугольныхъ деревянныхъ ящикахъ. Пьютъ весьма умѣренно и никакъ не до пьяна. Конфекты дѣлаютъ въ видѣ круглыхъ лепешечекъ изъ муки того же пшена, съ примѣсью сахарнаго песку, на вкусъ не очень пріятны, но у японцевъ считаются эти конфекты за особенное наслажденіе. Чай у нихъ черный и зеленый; первый употребляютъ вседневно, а послѣдній при угощеніи и въ праздники. Кромѣ обычныхъ, незначительныхъ празднествъ, замѣчателенъ у нихъ праздникъ дѣтскій: дѣтей одѣваютъ въ весьма красивые халаты, приводятъ во множествѣ на площадь и здѣсь предоставляютъ имъ свободу бѣгать, играть, плясать, кувыркаться, послѣ чего одѣляютъ конфектами и подарками. Собственную радость, похвалу и одобреніе другаго, выражаютъ хлопаньемъ въ ладоши, при горѣ же и печали, надѣваютъ халаты изъ матеріи бѣлаго цвѣта, волосъ въ это время не брѣютъ и ногтей не обстригаютъ. Японцы, имѣютъ лошадей, — которыхъ употребляютъ для верховой ѣзды по горамъ, — возки разныхъ тяжестей и дровъ изъ лѣсу; разводятъ коровъ, воловъ, сабакъ; но всѣ эти животныя весьма мелкой породы. Куръ, — утокъ, у нихъ множество; до скотоводства Японцы большіе охотники но мясное въ пищу употребляютъ весьма немногіе изъ нихъ.

Вѣроисповѣданіе и обряды.

Обряды вѣроисповѣданія у японцевъ многоразличны: иные вѣру свою заключаютъ въ поклоненіи духамъ невидимымъ, — изъ которыхъ духъ свѣта есть главное божество, другіе обожаютъ: огонь, солнце, луну и звѣзды; нѣкоторые вѣруютъ въ переселеніе душъ въ скотовъ, птицъ и потому никакихъ животныхъ не умерщвляютъ и мясное въ пищу не употребляютъ; многіе же вѣру свою поставляютъ въ исполненіи чрезъ бонзовъ однихъ только наружныхъ обязанностей. Храмовъ по городамъ и селеніямъ, часовень по горамъ и въ лѣсахъ множество. Постройка храмовъ

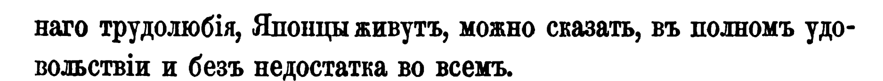
тотчасъ отличается отъ постройки домовъ своею изящностію, величиною и кровлею крыши. Не много вдали подъ навѣсомъ — большой колоколъ, въ который при начатіи службы, рано утромъ и поздно вечеромъ ударяютъ нѣсколько разъ довольно часто молотомъ: при дверяхъ большія каменныя чаши съ водою для омовенія рукъ; въ храмѣ къ одной стѣнѣ наставлено множество кумировъ: вылитыхъ изъ серебра, мѣди и другаго металла, вырѣзанныхъ изъ кости и дерева. Кумиры эти имѣютъ видъ разнородныхъ животныхъ и птицъ, напримѣръ: собакъ, зайцевъ, пѣтуховъ (рисунокъ кумира); предъ ними стоятъ небольшіе подсвѣчники со свѣчами; посрединѣ па помостѣ небольшая скамѣечка съ книгою на ней, по сторонамъ скамѣечки два барабана круглые: направо звонкій и налѣво глухой. На моленіе не ходятъ, а если кто желаетъ помолиться, придя одинъ въ храмъ, падая ницъ лицомъ, указываетъ на кумира и проситъ бонзу принести ему въ жертву сорочинское пшено и прочесть извѣстное словословіе. Бонза, принявъ сорочинское пшено, послѣ чего японецъ выходитъ, одѣвается въ халатъ бѣлаго цвѣта, наполняетъ пшеномъ пустую голову кумира, между зубъ его вкладываетъ зерна три или четыре и, присѣвъ на колѣна, начинаетъ молитвословіе по книгѣ нараспѣвъ, долго кричитъ, перемѣняя тоны голоса и при перемѣнѣ тона — бьетъ въ звонкій барабанъ, третъ въ рукахъ своихъ четки (рисунокъ четокъ), а когда кончитъ молитву, то разъ ударитъ въ глухой барабанъ, съ величайшимъ вниманіемъ около минуты посмотритъ на того кумира, которому пѣлъ молитву, за тѣмъ еще тише ударитъ въ глухой же барабанъ, встанетъ и тихонько отойдетъ въ свое жилое отдѣленіе. Послѣ чрезъ нѣсколько минутъ выбравъ изъ головы кумира пшено, употребитъ въ свою пользу. Я неоднократно бывалъ очевидцемъ такого однообразнаго моленія у японцевъ, а по времени узналъ отъ бонзы, что удареніе его разъ въ глухой барабанъ, означаетъ то, что жертва кумиромъ принята, а ударъ второй — выражаетъ, что кумиръ опочилъ, или заснулъ. Духовенство японское — бонзы живутъ по два и по три въ храмѣ, тутъ же — предъ кумирами своими — они ѣдятъ пищу, курятъ табакъ, пьютъ чай и разговариваютъ о всемъ житейскомъ.

Они подвѣдомы старшимъ надъ ними духовнымъ властямъ, а власти эти зависятъ отъ духовнаго императора, который, кромѣ свѣтскаго императора, никогда и ни кѣмъ изъ народовъ не видимъ. Онъ мѣста бонзамъ раздаетъ за деньги, за деньги же нерѣдко прославляетъ бонзу по смерти и повелѣваетъ ставить предъ тѣмъ храмомъ, въ которомъ служилъ умершій, памятникъ въ видѣ истукана. Правда рѣдко это бываетъ, но я видѣлъ таковыхъ истукановъ нѣсколько при разныхъ храмахъ. Кромѣ бѣлаго духовенства, есть секта монашествующихъ, которые живутъ по горамъ и моленіе свое отправляютъ въ часовняхъ. Бонзы голову брѣютъ на-чисто, во время молитвословія перекидываютъ чрезъ плечо широкій поясъ, на концѣ котораго сумка и колокольчики. Обряды совершаемые духовенствомъ при рожденіи младенца, бракосочетаніи и погребеніи умершихъ видѣлъ я лично. Какъ только народится младенецъ, бонзу призываютъ въ домъ, здѣсь онъ распѣваетъ одинъ около четверти часа по книгѣ, — за тѣмъ на младенца надѣваетъ шелковый халатъ, опоясываетъ и за поясъ закладываетъ трубку, кошелекъ съ табакомъ, огнивомъ и тѣмъ дѣло кончается. Бракъ совершается тоже въ присутствіи Бонзы въ домѣ; онъ съ полчаса читаетъ по книгѣ на-распѣвъ, потомъ женихъ беретъ руку невѣсты, сжимаетъ ее крѣпко такъ, что послѣдняя вскрикнетъ, далѣе ей чернятъ зубы какимъ-то крѣпкимъ составомъ и тѣмъ обрядъ оканчивается. Между тѣмъ отецъ и мать невѣсты горько плачутъ о будущей судьбѣ своей дочери. Число лѣтъ для бракосочетающихся не означено; съ 10-ти лѣтняго однакожъ возраста японцы вступаютъ въ бракъ; у каждаго японца по одной законной женѣ, кромѣ которой ему предоставляется право имѣть при себѣ еще трехъ женъ, онѣ живутъ всѣ вмѣстѣ при японцѣ; въ правѣ и распоряженіяхъ по хозяйству подчиняются старшей, т. е. законной женѣ его. Разводъ съ женами у японцевъ не воспрещается: каждый имѣетъ право разводиться съ женою своею самопроизвольно, безъ всякаго дозволенія на то отъ правительства. Ни отецъ съ матерью, ни кто другой сторонній человѣкъ не могутъ принять въ домъ свой той женщины, которая, бывъ замужемъ, отчуждена *имъ отъ* себя. Погребеніе умершихъ совершается довольно замѣ-

чательно: призванный въ домъ бонза читаетъ надъ умершимъ нѣсколько по книгѣ; мертваго опускаютъ въ сидячемъ положеніи въ ящикъ, заколачиваютъ гвоздями, вечеромъ несутъ за городъ и тамъ сожигаютъ на огнѣ. Пепелъ зарываютъ въ землю и ставятъ памятникъ; въ памятникѣ дѣлаютъ небольшой ящичекъ, въ который въ извѣстное время кладутъ деньги для бонзовъ и горныхъ монаховъ. Богатые люди предаютъ тѣла умершихъ своихъ родныхъ землѣ, на кладбищахъ, безъ сожиганія, при этомъ случаѣ бываетъ особенная церемонія, та, что старшаго бонзу несутъ до кладбища за гробомъ на плечахъ носильщики, а младшій идетъ пѣшій, потомъ по два въ рядъ съ древесными вѣтвями, идутъ провожатые, на кладбищѣ бонзы много читаютъ по книгѣ на разноголосные тоны и во время этого гробъ зарываютъ въ землю. Погребеніе умершихъ совершается у японцевъ не только безъ малѣйшаго сожалѣнія, скорби и плача, но съ равнодушіемъ и холодностію; самые ближайшіе родные къ умершему, во время похоронъ, веселятся, курятъ безпрерывно табакъ, устраняются и нетолько они сами, но даже никто сторонніе не входятъ въ ту комнату, въ которой лежитъ тѣло покойника. Вообще о вѣроисповѣданіи у японцевъ можно сказать, что люди сіи находятся въ величайшемъ заблужденіи о истинномъ богопоклоненіи.

Произведенія природы.

Разнородныхъ деревъ и цвѣтовъ въ Японіи весьма изобильно. По горамъ растутъ плодоносныя и фруктовыя деревья; въ долинахъ созрѣваютъ всякія ягоды; сорочинское пшено засѣвается хотя въ маломъ количествѣ, но родится во множествѣ; для посѣва его японцы удобриваютъ землю, на которой разсѣваютъ пшено. и когда оно взойдетъ, то разсаживаютъ по грядамъ пучками. Сорочинскимъ пшеномъ и рѣдькою засѣваются большія пространства полей; этими двумя необходимыми произрастеніями продовольствуется вся многолюдная Японія. Чайныхъ деревьевъ множество; японцы не заботятся объ этомъ растеніи; хлопчатой бумаги и шелку чрезвычайное изобиліе. Во всѣхъ отношеніяхъ природа такъ богата своими произведеніями, что безъ всякаго усилен-

наго трудолюбія, Японцы живутъ, можно сказать, въ полномъ удовольствіи и безъ недостатка во всемъ.

Промыслы и торговля.

Особенная промышленность — рыбныя ловли. Торговля всякаго рода предметами производится точно также какъ и у насъ: у японцевъ есть лавки, въ которыхъ имѣются шелковая матерія, лакированныя, золотыя, серебряныя и мѣдныя вещи. Они продаютъ или торгуютъ между собою; съ другими иноземными народами, кромѣ голландцевъ, въ торговыя дѣла не входятъ.

Въ заключеніе моего краткаго свѣдѣнія о Японіи, я могу прибавить вообще то, что Японія — прекрасная страна по климату; что японцы живутъ во всемъ изобильно и что народъ этотъ кротокъ и миролюбивъ въ общественной между собою жизни. 2-го числа іюля 1855 года, при добродушномъ проводѣ насъ, мы отплыли изъ Японіи на нанятомъ бременскомъ суднѣ къ восточнымъ берегамъ Сибири.

ГЛАВА XIII.

Плаваніе по Восточному океану. Взятіе русскихъ въ плѣнъ англичанами. Освобожденіе меня изъ плѣна. Портъ Аянъ. Моя поѣздка по Сибири и прибытіе въ С.-Петербургъ.

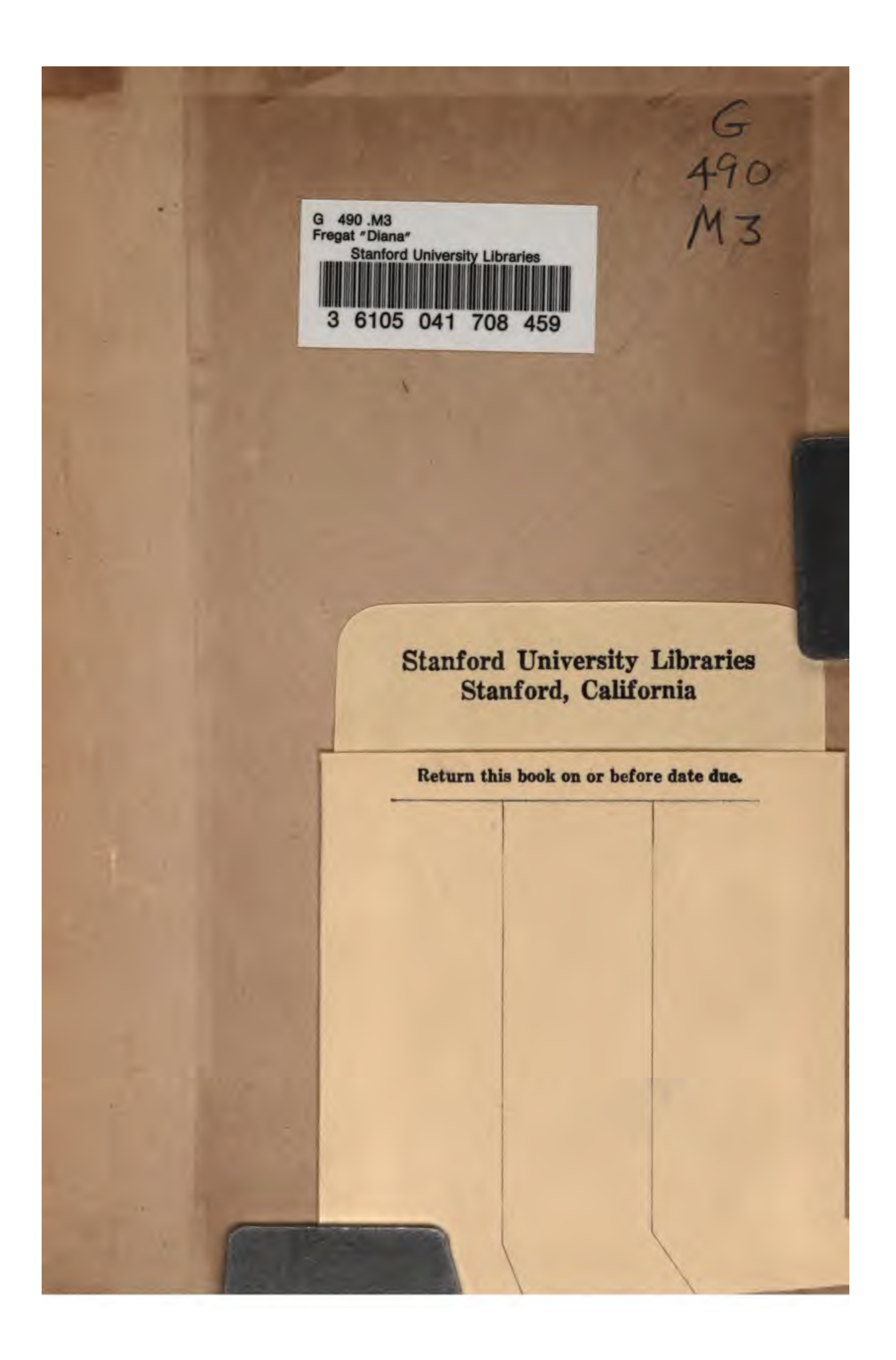
Постоянные туманы замедляли плаваніе наше по океану; 20 числа, одинъ изъ офицеровъ, расположился праздновать день своего ангела. По отправленіи молебнаго пѣнія св. пророку Иліи, мы приступили къ закускѣ. Едва успѣли поздравить имянинника, какъ вѣстовой, съ верхней палубы, громогласно возвѣстилъ, что вблизи нашего судна видѣнъ пароходъ, съ котораго вскорѣ за тѣмъ сдѣланъ выстрѣлъ изъ пушки. Шкиперъ нашего судна выкинулъ флагъ американской націи; съ парохода произошелъ второй выстрѣлъ и судно наше остановилось на ходу. Между тѣмъ 250 челов. запрятались въ самый нижній этажъ судна, по мор-

скому называемый «трюмъ», въ которомъ хранились разные припасы..... Слышимъ, на нашемъ суднѣ производится осмотръ..... дошло дѣло и до трюма..... Ни живы ни мертвы лежали мы одинъ почти на одномъ. «А здѣсь что»? спросилъ шкипера неизвѣстный намъ голосъ, «съѣстные припасы» отвѣчалъ хозяинъ судна. «Покажите» произнесь тотъ же голосъ; трюмъ открытъ..... «хороши съѣстные припасы!!» произнесъ торжественно офицеръ: «это намъ и нужно» «Прошу выходить!» Съ величайшимъ страхомъ мы начали выходить по одиначкѣ на верхнюю палубу. Англійскій офицеръ, имѣя при себѣ до 20 человѣкъ вооруженныхъ матросовъ, съ самодовольствомъ посматривалъ и пересчитывалъ добычу. Мы объявлены плѣнными! Завидна ли была побѣда вооруженныхъ надъ безоружными, могуча ли битва, изъ двухъ выстрѣловъ состоявшая? Конечно, съ бывшимъ на суднѣ числомъ англичанъ мы могли управиться, но что сталось бы далѣе съ нашимъ судномъ, съ нами самими?! Съ парохода спущены гребныя суда для перевозки на пароходъ.... У каждаго была одна дума: съ перевозомъ всѣхъ на пароходъ вступить въ рукопашную, побросать англичамъ за бортъ и овладѣвъ пароходомъ пуститься на немъ къ берегамъ Сибири. Дума наша не осуществилась; англичане оцѣпивъ судно, повлекли его къ общей своей эскадрѣ, расположенной въ портѣ Аянъ и сдали командору Чарлсу Фредерику. Насъ размѣстили по каютамъ на разныхъ фрегатахъ и пароходахъ; обходились однакожъ довольно добросердечно; чрезъ четыре дня, послѣ взятія насъ въ плѣнъ, меня, доктора и больныхъ, англичане освободили и высадили въ портѣ Аянъ на берегъ; прочихъ же офицеровъ и команду оставили у себя въ плѣну. Въ портѣ Аянъ встрѣтился я съ преосвященнымъ Иннокентіемъ, съ которымъ пробывъ двое сутокъ, отправился 27 іюля въ тѣ мѣста, гдѣ жители порта Аянъ скрывались отъ нашествія непріятеля. 30 числа прибылъ сюда и преосвященный; 1-го августа оставили мы бѣдныхъ, устрашенныхъ непріятелемъ жителей и слѣдовали четырнадцать дней лѣсами по болотистымъ, топкимъ мѣстамъ на оленяхъ и лошадяхъ верхами, встрѣчая нерѣдко на пути своемъ медвѣдей. 14 августа, принявъ отъ его преосвященства напутственное благосло-

веніе, отправился я одинъ на почтовыхъ лошадяхъ по тракту, до С.-Петербурга, куда и прибылъ въ совершенномъ благополучіи 6-го декабря 1855 года.

Благодареніе Господу-Богу! совершилъ я путешествіе вокругъ свѣта, хотя не во всемъ благополучно, но возвратился въ совершенномъ здоровьи; что видѣлъ, о томъ и разсказалъ вамъ, мой благосклонный читатель. Вы прочли мои замѣтки? прошу не взыскать на подробности разсказа, на изящности слова: «чѣмъ богатъ», есть поговорка, «тѣмъ и радъ!»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

G
490
M3
G 490 .M3
Fregat "Diana"
Stanford University Libraries
3 6105 041 708 459
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.

